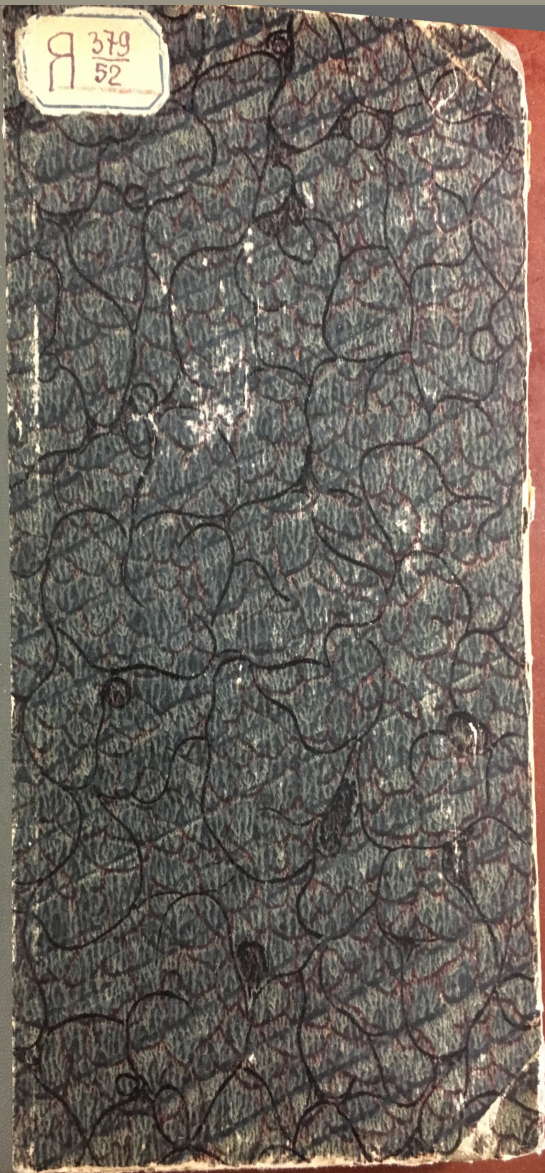

R 379
52

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Д. Д. МАЛЬСАГОВ

9 | 379
52

**ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКАЯ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ**

И

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО (ПИСЬМЕННОГО)
ЯЗЫКА

ЧЕЧИНГГОСИЗДАТ
ГРОЗНЫЙ — 1941

9 | 379
52
Д. Д. МАЛЬСАГОВ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

И

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО (ПИСЬМЕННОГО)
ЯЗЫКА

Книга имеет:

перевод Д. Д. М.

Иллюстраций	Выпуск	В переплет. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №	Наклад и цена
							308

ЧЕЧИНГГОСИЗДАТ
ТРОЗНЫЙ — 1941

УД-1010

ПАМЯТИ

**ЗАУРБЕКА КУРАЗОВИЧА МАЛЬСАГОВА,
ОТДАВШЕГО ВСЕ СИЛЫ И ЗНАНИЯ
ДЕЛУ РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.**

Автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема формирования литературного языка, который отвечал бы всем запросам социалистического общества, является центральной проблемой культурного строительства в Чечено-Ингушской Республике.

В условиях Советского Союза формирование литературного языка не может быть предоставлено стихии, в дело развития литературного языка должны быть внесены сознательность и плановость.

До великой Октябрьской социалистической революции каждый из районов Чечено-Ингушии, экономически и культурно малосвязанных между собой, мог обходиться средствами своего диалекта, ныне же в связи с небывалым ростом производительных сил, в связи с новыми производственными отношениями и колоссальным ростом культуры диалекты не могут целиком удовлетворять запросам нового общества, поэтому должен формироваться литературный язык, он должен расти, развиваясь по тому из указанных великими учителями пролетариата К. Марксом и Ф. Энгельсом путей, который соответствует конкретной чечено-ингушской действительности, действительности, определяемой ленинско-сталинской национальной политикой, именно: «путем концентрации диалектов, обусловленной экономической и политической концентрацией». Для сознательной и максимально успешной работы по развитию литературного языка в социалистической Чечено-Ингушии необходимо прежде всего твердо установить, являются ли ведущие, литературные диалекты, т. е. плоскостной чеченский и ингушский диалекты, на основе которых развились чеченская и ингушская письменности, диалектами единого языка или они к настоящему времени настолько отошли друг от друга, что их надлежит рассматривать в качестве самостоятельных языков.

Окончательное разрешение этого вопроса на строго проверенном и достаточно большом материале должно предшествовать плановым мероприятиям по развитию литературного языка в Чечено-Ингушии.

До сих пор в литературе не было попыток достаточно полного описания и классификации диалектов чечено-ингушского языка.

Обычно оценка различия между речью чеченцев и ингушей сводится к голословным утверждениям, что оно такое же, как между русским и украинским языками или между севернорусским и южнорусским диалектами. Подобные утверждения, не подкрепленные никакими фактическими материалами, никого не могут удовлетворить и на них базировать работу по языковому строительству, разумеется, нельзя.

Именно поэтому чувствовалась настоятельная необходимость описания и классификации диалектов чечено-ингушского языка и особенно необходимость достаточно полного сравнительного описания и анализа литературных диалектов. Далее, естественен вопрос, если плоскостной чеченский и ингушский диалекты являются диалектами единого языка, то почему на основе их возникли чеченская и ингушская письменности, почему параллельно развиваются эти две письменности, не следует ли и в дальнейшем способствовать самостоятельному развитию их.

Все эти вопросы, поставленные самой жизнью, практикой культурного развития ЧИАССР, не только не нашли разрешения в существующей лингвистической литературе, но даже не были сформулированы.

Настоящая работа является попыткой восполнить этот пробел.

Автор считает себя обязанным выразить глубокую благодарность профессору А. Н. Генко, благодаря ценной помощи и указаниям которого настоящий труд был доведен до конца.

Автор также выражает глубокую благодарность гг. О. Д. Долакову, И. А. Оздоеву, С. К. Шенец, А. М. Газдиеву, Х. Г. Гугиеву и М. М. Базоркину, взявшим на себя труд по просмотру работы в рукописи и сделавшим ценные замечания по ней.

Автор.

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА ЧЕЧЕНО-ИНГУШИИ

«Гора Кабх — гора языков, — отметил еще в IX веке арабский путешественник Масуди. — Един бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабх».¹⁾ За девять веков до Масуди римский писатель Страбон утверждал, что город Диоскурия «служит общим торговым пунктом для живущих выше и по соседству с ним народов. Говорят, что там собирается 70 (по другим, которые менее правдивы, даже 300) народов; все они говорят на различных языках, так как довольствуются своей обособленностью и, вследствие своей дикости, живут замкнуто, не сообщаясь с другими, частью они сарматы, но все они народы Кавказа».²⁾ «Большой этот город (Диоскурия. — Д. М.) теперь опустошен, но прежде был так известен, что по словам Тимосфена, там собиралось до 300 народов, говорящих на различных языках, и впоследствии еще мы (римляне) вели там свои дела с помощью 130 переводчиков», — писал Плиний лет тридцать спустя после Страбона.³⁾

Вплоть до Октябрьской революции кавказские языки во многом продолжали оставаться загадкой для науки. Известный исследователь кавказских языков Услар в 1862 году писал: «Теперь прошло 900 лет после набожного восклицания Масуди, и, если бы обратились к нам с вопросом, сколько различных языков на Кавказе, — то мы бы ответили: Един бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабх. Гора Кабх — гора языков».⁴⁾

Только в послеоктябрьские годы перечтены и по-настоящему изучаются языки Кавказа, в горах и предгорьях которого, к востоку от верховьев Терека, имеется 32 типологически родственных горских языка, считая среди них чечено-ингушскую группу за один язык.

Все они до революции были фактически бесписьменными, хотя

1) П. К. Услар „Чеченский язык“. Тифлис, 1888, стр. 9.

2) К. Ган: „Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе“. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“. Тифлис, 1884, стр. 64.

3) Ibid, стр. 105.

4) П. К. Услар. „Чеченский язык“. Тифлис, 1888, стр. 9.

на некоторых из них, в числе их и на чеченском, имелись грамматики и буквари.

По числу говорящих эти языки, известные в науке под именем «Северо-Восточной группы яфетических языков Кавказа», отличаются значительной пестротой, как-то:

- 1 — на языках чечено-ингушской группы (без бацбийцев) говорит 499.764 чел.;
- 2 — на аварском
- 3 — на лакском
- 4 — на лезгинском

Есть и одноаульные языки Токита, Кубачи и Арчи, с незначительным числом говорящих.¹⁾

Приведенные из древних писателей цитаты тем ценны, что они с не допускающей сомнения очевидностью устанавливают, что многоязычие Кавказа — явление исконное.

Горцы, жившие в тесных труднодоступных ущельях, в стороне от больших торговых путей, оказались на протяжении многих сотен лет изолированными от столбовой дороги истории.

Купцам и завоевателям древности нечего было искать в непроходимых и скудных жизненных благами горах. Горы только эпизодически делались свидетелями кровавых военных предприятий, при этом, надо заметить, что завоевателей интересовали не скудные горы и их население. К северу и к югу горцы видели широкие долины и обширные плоскости с плодородными, часто целинными землями, но спуститься к ним нельзя было, там их ждали смерть или рабство. Более многочисленные и культурные, а следовательно, и более могущественные народы владели этими землями или контролировали их.

Горы, служившие вследствие своей малодоступности делу защиты горцев от внешних врагов, вместе с тем являлись и тюрьмой их. Веками борясь за свое скудное существование, за кусок ячменной лепешки (ингуши и по сей день называют хлеб «маькх», т. е. ячменником), народы гор научились тщательно возделывать каждый клочок земли; поливать не только посевы, но и луга, издали по деревянным желобам—чачхараши—проводя воду; на горных кручах делать террасы; даже каменные кряжи, если они были плоски и находились не слишком высоко под снегами, давали горцу, благодаря умению и труду, кусок хлеба.

¹⁾ Проф. Ж и р к о в. «Развитие частей речи в горских языках Дагестана». Языки Сев. Кавказа и Дагестана. Москва, 1935, стр. 155. «Лингвистическая группа горских языков Дагестана, объединенная единством грамматического типа и отчасти общностью словарного состава, включает в себя 31 язык. В это число входят и такие крупные по численности говорящих языки, как аварский, и такие мелкие „одноаульные“ языки, как токита, арчи и кубачи. В то же число мы включаем и несколько языков, имеющих свою территорию вне государственных границ Дагестана... К группе горских языков Дагестана в лингвистическом отношении близка чеченская языковая группа», — пиш. проф. Ж и р к о в.

Все думы горца были связаны с землей, которая так скудно кормила его. В целях экономии земли жилища ставились на голых камнях, на таких местах, где при самом настойчивом труде нельзя было получить ни хлебного колоса, ни былинки травы. Не только для защиты от врагов выбирались неприступные места для жилья, но, главным образом, в целях экономии годной для эксплуатации земли. Жилища лепились, казалось бы, на недоступной высоте, часто далеко от воды. Все необходимое тащилось туда выюком на ослах или на собственных плечах по каменистым тропам, на головокружительной высоте; каждый неверный шаг грозил смертью, но зато земля использовалась рационально.

Та же нужда научила строиться ввысь, научила строить прочные каменные башни в 2, 4, 6 этажей. Многоэтажные башни — бляв в кавказской этнографии называются боевыми. Термин неточный; спору нет, бляв использовались в обороне, как и всякие башни, но главное назначение их было служить жилищем. Многоэтажные башни строились по той причине, по какой в современных больших городах громоздятся здания в 10—15 и больше этажей. Нужда заставила горца строить ввысь, строить прочно, на века.

Ввысь строились жилища не только для живых, но и для мертвых. Солнечные могильники (малхара каш) имеют иногда по несколько ярусов над и под землей.

Не сразу и нелегко далось горцу искусство зодчества и нелегко строились башни.

Женщина, возвращаясь с кадучкой воды на спине, в руках несла камень для башни; друг, родственник, идя в гости, старался по дороге захватить камень в подарок; каждый, возвращаясь домой, норовил принести все тот же неизменный камень.

Горцам была знакома жилищная нужда. У чеченцев и ингушей существовала поговорка: «Кто имеет долю башни и могильника — тот жених».

Малоземелье заставляло пытаться компенсировать недостаток земли тщательностью обработки ее, но это плохо удавалось. Чечено-ингушские предания уверяют: «Горы в 7 лет раз посещались холерой и каждые три года бывал голод». Горные районы были перенаселены, малейшее снижение среднего уровня урожая влекло за собой все ужасы голода. С голодом и смертью люди в конце концов так свыкались, что, по свидетельству тех же преданий, те семьи, у которых не оставалось больше еды, безропотно шли умирать в свои могильники. В горах были случаи отдачи в «фоат-испола» людей. «Прокорми до нови моих детей — половина их твоя, половина моя», — говорил несчастный отец более обеспеченному соседу, обрекая своих детей в рабство.

Малоземелье и скудость ее определили следующие основные

моменты истории горцев Северо-Восточного Кавказа, в частности чеченцев и ингушей:

1 — невозможность количественного роста населения, которое могло размножаться до известного предела, а потом голод и болезни опять разряжали его;

2 — чрезвычайная слабость (чтобы не сказать полный застой) развития техники обработки земли вследствие того, что ее было так мало, что она могла прекрасно обрабатываться горцем и его семьей при самых примитивных орудиях труда;

3 — необходимость беречь каждый вершок земли научила горца строительному искусству, она создала башенную культуру;

4 — при таком положении не могло быть нормального общественного развития. Не могли развиваться ни рабовладение, ни феодализм, так как прокормление раба или крепостного должно было стоить дороже, чем мог дать его труд. Раб был ценен только как товар для продажи на приморских или плоскостных рынках, где происходила работорговля.

Ясно, что в обществе с таким примитивным хозяйством, в обществе, где веками царил застой, вдобавок, в таких сильно пересеченных и потому труднодоступных районах нагорной части Северо-Восточного Кавказа, должны были образоваться изолированные группы населения в границах, в большинстве случаев совпадавших с физическим рельефом страны. Эти группы людей — родовые общества — выработали свою, отличную от других обществ, языковую культуру. Изоляцию, о которой здесь говорится, не надо, конечно, понимать как абсолютную; связи между обществами были, был и обмен, но они в жизни и хозяйстве их играли небольшую роль. Чем изолированнее жило общество, тем больше отличен был его язык от окружающих. Этим объясняется многоязычие нагорной части Кавказа, к востоку от верховьев Терека.

Те общества, которые раньше сумели хотя бы частично выселиться на плоскость, выйти из своей изолированности, дальше пошли в языковом развитии.

Чечено-Ингушские общества по крайней мере с XVI века начали заселять плоскость. О том, что ауховцы (аккинцы—аьккхий) в середине XVI века обитали там, где и сейчас, т. е. в Хасав-юртовском районе Даг. АССР, свидетельствуют многие сохранившиеся исторические документы об ококах, окочанах. Имеются сведения о чеченских поселениях на берегах Сунжи в середине XVII века.

Бывш. аспирант Ингушского Научно-Исследовательского Института языка и истории, покойный М. Ф. Аушев, установил, что среди ауховцев (аккинцев) находятся не только тайпы из Галанчожского района, откуда выселились ауховцы, но и из Галгая и даже из более отдаленной, крайней западной части ингушского нагорья, из Мецхальского района. Это является достоверным свидетельством того, что выселение ауховцев на плоскость явилось не

местным ауховским (аккинским) событием, а что с ними на плоскость выселились тайпы из всего чечено-ингушского нагорья.¹⁾

Колонизация плоскости вывела общества Чечено-Ингушии из былой замкнутости. Наладилось производство не только на потребление, но и на сбыт. Плоскостная Чечня становится житницей для горночеченских и некоторых районов нагорного Дагестана. Горцы, получив возможность в широких размерах практиковать обмен продуктов животноводства на хлеб, стали переходить к увеличению скотоводства за счет сокращения земледелия. Об интенсивности обмена между горами и плоскостью свидетельствует факт, рассказанный Магомедом-Тагиром Карахским о том, как Шамиль принудил к беспрекословному повиновению и покорности некоторые горные общества, запретив вывоз к ним хлеба из плоскостной Чечни.²⁾

К большой связи и объединению выселившиеся общества принуждались интересами защиты от набегов и насилий сперва кабардинских и ногайских князей и дагестанских владельцев, а потом, с XVIII века от наступления царских войск. Уже в 1785—91 гг. алдынский пастух Ушурма, известный в истории под именем Шейх Мансура, смог организовать мощное движение чеченских масс, нанесшее царизму не один чувствительный удар.

В первой четверти XIX века движение, возглавлявшееся Бейбулатом Таймиевым, также показало царизму, какую силу представляет объединяющаяся Чечня.

Нужно заметить, что выселенцы в плоскостную Чечню селились не отдельными тайпами, а смешанно. В чеченских плоскостных селениях живут тайпы из самых различных мест нагорья.

Все это содействовало образованию плоскостного чеченского диалекта, являющегося новым высшим этапом по сравнению с диалектами нагорных обществ.

Широкая колонизация плоскости из Ингушского нагорья происходила значительно позже и под контролем царизма в конце XVIII-го и начале XIX века. Царизм, основавший в 1876 г. крепость Владикавказ и в 1810 — Назрань, позаботился о разъединении чеченцев и ингушей, чем и определил самостоятельность (в известной мере) развития их языков, продолжавшуюся вплоть до Октябрьской революции.

Исторические судьбы чеченцев и ингушей не могли не отразиться на степени развития и на взаимоотношениях их речи.

До так называемого «покорения Кавказа» чеченцы и ингуши переживали еще эпоху родовой формации, при которой, после выселения части их из гор, феодальные отношения начали только

1) Материалы, собранные в Аухе М. Ф. Аушевым, хранятся в Чечено-Ингушском Научно-Исследовательском институте истории, языка и литературы.

2) Магомед-Тагир Карахский. «Шамиль глазола ламан тарраш лиэпар» — рукопись в библиотеке Чеч.-Инг. Научно-Исследовательского Института истории, языка и литературы.

намечаться. Правда, уже в ту эпоху уровень общественно-экономического развития не во всех частях Чечено-Ингушии был одинаков. Плоскостная Чечня с ее относительно развитым сельским хозяйством и в большей мере развитыми феодальными отношениями по сравнению с другими частями Чечено-Ингушии (ингушские об-ва, Чаберлой, Нагорный Акки, Мельхисты и т. д.) являлась передовой в экономическом и политическом отношениях.

Естественно, что при таком уровне общественного развития ни чеченцы, ни ингуши не сложились в нацию, а также и вместе взятые они не составили нации. Они не носили всех тех признаков, которые определяют нацию: «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.¹⁾

В цитированном классическом труде по национальному вопросу тов. Сталин подчеркивает: «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации».²⁾ В той же работе на странице 5-й сказано: «Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собою войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок... Грузия, как нация, появилась лишь во 2-й половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое».³⁾

Покорение Кавказа царизмом и царская колонизаторская политика принесли с собой насилие, обезземеливание и порабощение широких масс трудящихся.

Условия жизни, установленные колонизаторами, не только не способствовали развитию отсталых народностей, но, благодаря угнетению, порабощению и подавлению всех попыток к движению вперед, благодаря двойному гнету, отсталые кавказские народности обречены были на невероятные страдания и вымирание.

В результате долгой и жестокой борьбы с колонизаторами за свою независимость чеченцы и ингуши к концу Кавказской войны оказались экономически совершенно ослабленными. Население

¹⁾ Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“, Москва, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 6.

²⁾ Ibid, стр. 10.

³⁾ Ibid стр. 5.

Чечни за время Кавказской войны уменьшилось почти вдвое. Царизм же, отобрав у чеченцев и ингушей лучшие земли и заселив их казаками, отделил чересполосицей, с одной стороны — Чечню от Ингушии и, с другой стороны — горную и предгорную Чечню и Ингушию от плоскостной. Это мероприятие имело не только стратегическую цель — найти в казачьих станицах опору в борьбе против горцев и занять важнейшие стратегические пункты, но и цель подрыва той экономической базы, на которой могло бы быть восстановлено относительное благополучие широких народных масс Чечено-Ингушии. Этим же мероприятием достигалось окончательное разъединение не только Чечни от Ингушии, но и отдельных обществ внутри каждой из них.

Не только ряд действий и мероприятий царских сатрапов, но и целый ряд официальных документов периода царского владения цинично свидетельствуют о политике царизма, выражавшейся формулой: «разделяй и властвуй». Разделение чеченцев и ингушей считалось царским правительством государственным делом.

Положение это нашло отражение в работе царского историка Буткова: «В то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтобы для пользы кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас разными образами чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 г. сразились имея каждая сторона от одной тысячи человек. Чеченцы потеряли 20 убитыми и 40 человек ранеными, однако получили поверхность и отогнали у ингуш до 2 тысяч баранов».¹)

Действия колонизаторов «разными образами», конечно, не вели ни к экономическому, ни к культурному прогрессу, следовательно, исключали самую возможность складывания чеченцев и ингушей в нацию.

Товарищ Сталин в докладе на X Съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. говорил: «В России считается 22 окраины, причем одни из этих окраин сильно задеты промышленным развитием и мало чем отличаются от России в промышленном отношении, другие не прошли еще стадию капитализма и в корне отличаются от центральной России, третьи совершенно забыты».²) К третьим тов. Сталин относит чеченцев и ингушей. «Затем, есть третья группа, обнимающая не более 8-ми или 10-ти миллионов, — это по преимуществу скотоводческие племена, где родовой быт еще жив и которые еще не перешли к земледельческому хозяйству. Это, глав-

¹) П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб, 1869 г., т. II, стр. 111.

²) Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Москва, Партиздат, 1937 г., стр. 79.

ным образом, киргизы, северная часть Туркестана, башкиры, чеченцы, осетины, ингуши».¹⁾

Политика царизма, ярко выразившаяся в «трехвостке — самодержавие, православие, народность» (народность, разумеется, великорусских помещиков и купцов), направлена была к насильственной ассимиляции отсталых народностей. В цитированной работе товарища Сталина указано, что «При старом режиме царская власть не старалась и не могла стараться развить государственность на Украине, в Азербайджане, Туркестане и других окраинах, она боролась с развитием государственности на окраинах, так же как и с их культурным развитием, стремясь насильственно ассимилировать туземное население. Затем, старое государство, помещики и капиталисты оставили в наследство такие загнанные народности, как киргизы, чеченцы, осетины, земли которых служили для колонизации со стороны казачьих и кулацких элементов России. Эти народности были обречены на невероятные страдания и вымирание».²⁾

Народы, обреченные на невероятные страдания и вымирание, не могли творить национальную культуру и экономически расти. В самом деле, за время господства царизма культура чеченцев и ингушей деградировала.

Лучший знаток чечено-ингушской этнографии и языка покойный З. К. Мальсагов, сравнивая чечено-ингушский фольклор периода до покорения Кавказа с фольклором, возникшим после покорения его, приходит к правильному выводу: «Позднее в эпоху военно-полицейского режима, тяжело налегшего на «замыренный» край, стал разгораться тлевший под спудом огонь ненависти, брожение разлилось по скованной стране, родилось абречество, но это уже только эпигон прежнего братства предводителей. Песня прославляла и тех и других; но какая разительная разница между героической «илли» (героические илли — эпические песни, воспевавшие отдельных героев — предводителей, отважных людей, их набеги за «светлой добычей» и их борьбу с царскими колонизаторами. — Д. М.) и абреческой песней.

При полном совпадении поэтических приемов, образующих прочную формальную традицию, какая разница в тоне, в настроении. Там — воля к борьбе, надежда, уверенность в победе, победа со светлой добычей, здесь — мрачная, трагическая безвыходность, отчаяние, готовность погибнуть, безрадостная борьба».³⁾

Деградация фольклора сказалась и в форме. Героические песни с могучими яркими образами часто сменяются коротенькими с религиозным содержанием «зикрами» и «назмами». Вместо воли к

1) Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. „Очередные задачи партии в национальном вопросе“. Партиздат. Москва, 1937 г., стр. 80

2) Ibid, стр. 76.

3) З. К. Мальсагов. „Чеченский народный стих“, Известия Ингушского Научно-Исслед. Института языка и истории, т. IV, в. 2, Грозный, 1934 г.

борьбе и лучшей жизни зазвучали скорбные жалобы, взоры ска-
зителей обратились от земли к небу.

Песни стали считаться греховными. Совершенно исчезли сва-
дебные, похоронные и другие бытовые песни.

Общественная жизнь изменилась к худшему. Патриархально-
демократическое обычное право во многом утратило свое значение.
Несколько сдерживавшееся и регулировавшееся обычным правом
кровничество усилилось чрезвычайно. Водворилась анархия в об-
щественном быту, так как царская власть не имела авторитета, воз-
буждала ненависть, и к царской администрации и суду трудящие-
ся избегали обращаться.

Напрасно буржуазные фальсификаторы истории старались за-
вуалировать истинную сущность грабительской политики царизма
разговорами о приобщении Кавказа, в том числе и Чечено-Ингу-
шии, к культуре и прогрессу, о переводе экономического уклада
их хозяйства на относительно высшие капиталистические рельсы.
Подобными рассуждениями нельзя скрыть факта, что многие на-
роды и народности Кавказа были обречены на неимоверные стра-
дания и вымирание, а народы, обреченные на это, не могут эко-
номически и культурно развиваться. Только великая Октябрьская
социалистическая революция спасла Чечено-Ингушию от вымира-
ния и обеспечила ей могучее экономическое и культурное раз-
витие.

II. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА.

В 60-х годах прошлого столетия царизм решил использовать
родной язык и родную письменность для привития горским на-
родностям «государственности», другими словами, использовать
родной язык и письменность для привития горцам идеологии
«трехвостки». С этой же целью делались упорные попытки внед-
рить в среду ингушей православие.

Результатом такой политики явилась организация работы по
изучению кавказских языков и разработка для них алфавитов. В
1862 г. в Тифлисе впервые был опубликован известный труд Усла-
ра «Чеченский язык», в основу которого был положен, по выра-
жению автора, «язык плоской Чечни».

Исключительная добросовестность и широта исследования,
тщательность проверки лингвистических фактов, наконец, блестя-
щее изложение определяют высокую научную ценность этого
труда, не утратившего своего значения и на сегодняшний день.

При наличии таких несомненных положительных сторон мо-
нография «Чеченский язык» не только не является исчерпывающе-
полной, но она содержит некоторые неточности, как утверждение
об обособленности языка джераховцев, «о непогрешительной»
способностью всех чеченцев угадывать, где употреблять «йу, ву,

ду, бу» и т. д. Некоторые явления синтаксиса Услар не понял, о чем он говорит прямо. Все основные звуки-фонемы Услар слышал и фиксировал в своих текстах правильно, что является очень немалым достижением, но попытка описать их, выражаясь мягко, наивна. Неприятно читать в таком серьезном труде сравнение звуков человеческой речи с бляением барана.

Организованная Усларом школа взрослых для изучения новой чеченской письменности показала практическую ценность ее (письменности). Но период так называемых «великих реформ» начала царствования Александра II увял, не успев расцвести; период некоторых уступок передовой общественности сменился самой черной реакцией, и использование родной письменности, даже в целях привития туземцам идеологии колонизаторов, было признано мероприятием, несовместимым с «государственными интересами». И замечательный труд Услара, переизданный в 1888 году в Тифлисе, не имел никакого распространения среди чеченцев и ингушей вплоть до великой Октябрьской социалистической революции. Все попытки ввести в Чечено-Ингушсию родную письменность терпели неизменный крах.¹⁾ Изредка в «Сборниках материалов по описанию местностей и племен Кавказа» появлялись тексты (произведения из чечено-ингушского фольклора) на чеченском языке²⁾, но они не имели распространения среди чеченцев и ингушей и для привития среди чеченцев и ингушей письменности на родном языке не имели никакого значения.

Начало серьезному изучению чечено-ингушской группы языков положено было трудом академика Шифнера «Ueber die Tusch Sprache», СПб, 1856 г., и упомянутой монографией Услара «Чеченский язык».

Академик Н. Я. Марр «Чеченские языки»: 1) нахчийский (чеченский), 2) ингушский (glalgl), цова-тушский (бацбийский), 4) майстинский относил к средней ветви северо-кавказских яфетических языков.

Профессор А. Н. Генко уточняет классификацию Н. Я. Марра: «Они (ингуши. — Д. М.) входят, как часть, в состав чеченской

1) Бартоломей И. «Чеченский букварь». Тифлис, 1861 г. Кеди Досов, Нахчуи джуж ду нара. Ша дуи ххыр дна вај теріхің 1279 шарахь, гуіріенің хьалхарчу баттахь. Нара днаріг ву Дуосіел Қеді Алатан горуң волуң тајпані Дішніе. Тифлис, 1862 г. Эльдарханов Т. Э. «Нохчин моут». Чеченская азбука и первая книга для чтения. Тифлис, 1911 г.

2) Грен А. «Чеченские тексты». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1897 г., XXII, отд. III.

Тексты на чеченском языке и в русском переводе: Народная песня; Песня о назрановском Мальсаге; Сказка о храбром Незнае; Эпизод из чеченских нартовских сказаний.

Эльдарханов Т. «Чеченские тексты». «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1900 г. XXVIII, отд. III. Сказки: От бабы в доме разлад; Завет отца; Как Насир-Эддин одурачил всех; Как Насир-Эддин наказал неверную жену; Злая жена.

группы наречий, занимающей промежуточное положение между восточной группой горских языков, с которой они связаны интимными узами, и более далекой западной (черкесы, абхазы)».¹⁾

Имеющиеся сейчас лингвистические данные по «чеченским языкам» («чеченские языки» по терминологии акад. Марра, З. К. Мальсагова — «нахский язык», профессора Яковлева — «вейнахский язык», мы же пользуемся термином, принятым в обиходе чечено-ингушских и центральных директивных организаций — «чечено-ингушские языки») позволяют нам несколько уточнить классификацию академика Марра.

Чечено-ингушские языки подразделяются на «собственно чечено-ингушский язык» и на «цова-тушский», вернее «бацбийский язык». Собственно чечено-ингушский язык состоит из следующих диалектов: плоскостного чеченского, ингушского, чаберлоевского, итумкалинского, галанчожского и аккинского (речь аккинцев или ауховцев, живущих в Хасав-юртовском районе Дагестанской республики). Речь же майстинцев²⁾ мы квалифицируем не как отдельный язык, а как говор галанчожского диалекта.

Бацбийцы (бацай) в настоящее время живут в селении Земо-Алвани (Оаланиэ), Телавского района, Грузинской республики; насчитывается их не свыше 2000 душ обоего пола. По преданиям, бацбийцы в незапамятные времена выселились на место настоящего жительства из Мецхальского общества Нагорной Ингушии. Некоторые лингвистические особенности их языка подтверждают это предание.

Бацбийский язык, главным образом, под влиянием грузинского языка перетерпел такие изменения, что его надлежит рассматривать, как язык совершенно самостоятельный, а не как диалект.

Положение это отмечено еще Усларом: «Достаточно самого поверхностного сравнения языков тушского (бацбийского. — Д. М.) и чеченского в лексическом и грамматическом отношениях, чтобы убедиться в том, что 1) оба они имеют общий корень, 2) оба они теперь грамматически разошлись уже так, что составляют два особые и самостоятельные языка... Таким образом, все сказанное выше о наречиях чеченского языка и о возможности свести их в

Его же: „Чеченские тексты“, „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“. Тифлис, 1901 г. XXIX, отд. III.

Сказки: Младший из шестидесяти сыновей;

Отцовское наследство;

Три диковинки;

Хитрая лисица;

Лиса и куропатка;

Старая хлеб-соль забывается.

¹⁾ Проф. Генко. „Из культурного прошлого ингушей“. Записки коллегии Востоковедов при Азиатском музее АН, т. V. Ленинград, 1930 г.

²⁾ Майстинцы живут в Итумкалинском р-не, в тесном и малодоступном ущелье р. Майствахк. Аулы их Шакхала, Пхьувга и Туга расположены на кручах, первый на правой, а вторые на левой стороне ущелья. Во всех трех аулах не более 180 домов.

один общий письменный язык нисколько не распространяется на язык тушский».¹⁾

Бадбийский язык кроме академика Шифнера, исследован Заурбеком Мальсаговым и профессором Генко, выводы которых устанавливают, что бадбийский язык в настоящее время действительно является совершенно самостоятельным и наиболее архаичным в системе языков чечено-ингушских.

По чечено-ингушскому языку (без бадбийского) из наиболее значительных мы имеем следующие оригинальные работы: а) по плоскостному чеченскому диалекту — Услара «Чеченский язык»; «Чеченскую грамматику» группы авторов; Гугиева, Чантиевой, Хумпарова «Морфологию чеченского языка»; б) по ингушскому диалекту: З. К. Мальсагова «Ингушскую грамматику с кратким словарем»; Оздоева, Бекова, Озиева «Морфологию ингушского языка»; в) по аккинскому диалекту (Хасав-юртовского района): З. К. Мальсагов «Очерк аккинского языка»; г) имеется также ряд словарей: по чеченскому плоскостному диалекту — словарики чеченского языка Услара, приложенный к его монографии «Чеченский язык», словарь чеченского языка Шерипова и др.; по ингушскому — словарь З. Мальсагова, приложенный к его «Ингушской грамматике», словари И. Мальсагова, М. Мальсагова, Ужахова.²⁾

Все словари, за исключением словарей Услара и З. К. Мальсагова, не представляют большой научной ценности. Нагорные диалекты Чечено-Ингушии и говоры плоскостного чеченского диалекта мало исследованы.

Слабые количественные результаты исследования чечено-ингушских диалектов объясняются неправильностью организации исследовательской работы.

В Чечено-Ингушской республике до сих пор почему-то считается обязательным для обследования того или иного диалекта организовывать в летний период громоздкие и дорогостоящие экспедиции. К лингвистической работе в Галанчожском или Галашкинском районах готовятся, как к поездке в безводные пустыни или неисследованные леса.

1) П. К. Услар. «Чеченский язык». Тифлис. 1888 г. § 2.

2) Названными трудами не ограничиваются работы по чечено-ингушскому языкам. Систематическое описание их (трудов) дано в статьях проф. Немировского: «Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики», «Известия Научно-Исследовательского Института Краеведения». Владикавказ. 1928 г. Вып. I, «К научной постановке исследования чеченской группы Северо-Кавказских языков». Там же. Вып. II—III, Владикавказ. 1930 г.

Из работ по чечено-ингушским языкам заслуживает особенного внимания труд А. Дирра *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen*. Лейпциг, 1928 г. В названной работе дана совершенно правильная классификация чечено-ингушских языков.

А. Дирр делит ствол Северо-восточно-кавказской или чечено-дагестанской семьи языков на два ответвления: 1. а) чеченский язык в собственном смысле с ингушским, б) бадбийский, 2. прочие дагестанские.

На работу в самые отдаленные районы работники обкома партии и Совнаркома собираются в несколько часов и через день-два бывают на месте. Но, к сожалению, научные учреждения до сих пор не пытались так работать. Мы не против экспедиций, они чрезвычайно полезны, в частности для начинающих, малоопытных работников, но надо практиковать и другие методы диалектологических исследований.

Научные организации до сих пор даже не пытались изучать диалекты путем организации сети корреспондентов, разумеется, предварительно проинструктированных и ознакомленных с целями и методами диалектологических исследований. До сих пор нет «вопросника», который мог быть положен в основу такого изучения, нет даже анкет по отдельным разделам диалектологии. Не практикуются вызовы с мест осведомителей для уточнения отдельных вопросов того или иного диалекта. Наличие в селе интеллигенции из коренного населения делает возможным и нужным организацию сети корреспондентов для планомерного изучения диалектов чечено-ингушского языка. Такая организация работы ускорит и, главное, значительно ускорит исследование всех диалектов чечено-ингушского языка.

III. ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА.

Многое в диалектологии чечено-ингушского языка еще не ясно, и мы пока не можем дать ее точного описания. Но все же работы Услара и Шифнера, а также исследования в послеоктябрьский период З. К. Мальсагова, проф. Генко, проф. Яковлева и личные наблюдения автора настоящей работы дают в наши руки такие данные, на основании которых можно судить о диалектах и сделать безошибочные выводы о путях создания общечечено-ингушской письменности.

Все данные исследователей чечено-ингушского языка говорят о том, что

- 1) собственно чечено-ингушский язык состоит из ряда диалектов;
- 2) что в этих диалектах нет особенностей, которые бы затрудняли развитие их к единству.

Услар в своей монографии о чеченском языке пишет: «Язык нахчий дробится на множество наречий, которые возникли частью по уединенному положению некоторых обществ, частью под влиянием языков соседних народов—осетин и, в особенности, кумыков. Но, несмотря на то, чеченский язык представляет замечательный характер единства; уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением разве джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием. Различие наречий преимущественно обозначается упот-

реблением тех или других гласных и также полных или усеченных форм. Чеченский письменный язык должен еще выработаться, но он будет общим для всех чеченцев».¹) Должно заметить, что под чеченцами Услар понимает всех говорящих на чечено-ингушском языке.

Услар совершенно правильно уловил основной момент расхождений между диалектами чечено-ингушского языка, заключающийся не в различии лексики, не в различии морфологических форм и синтаксиса, а в различии в перегласовках корневых гласных и в наличии усеченных форм в ингушском диалекте, что делает темп ингушской речи более учащенным по сравнению с чеченской. Последним обстоятельством, в частности, объясняется тот факт, что ингуши лучше понимают чеченскую речь, чем чеченцы ингушскую.

В цитированном параграфе Услар ошибочно противопоставляет язык джераховцев языку остальной Чечено-Ингушии; речь джераховцев не отличается от ингушской.

О близости чеченской и ингушской речи, вслед за Усларом, повторяют и другие исследователи.

З. К. Мальсагов утверждает: «Чеченское и ингушское наречия отличаются одно от другого довольно значительно, однако, не настолько, чтобы чеченцы и ингуши не могли понять друг друга без предварительной подготовки».²)

Еще более определенно пишет проф. Н. Ф. Яковлев: «Чеченец и ингуш без всяких затруднений понимают друг друга. Такую близость мы видим и в других проявлениях национальной культуры чеченцев и ингушей».³)

Профессор Яковлев и З. К. Мальсагов считали чеченцев и ингушей этнически настолько близкими (вернее было бы сказать: едиными), что предложили называть их общим наименованием. З. К. Мальсагов — нахами и вслед за ним проф. Яковлев — вейнахами.

Достаточно побывать на съездах, конференциях и собраниях, на которых присутствуют одновременно чеченцы и ингуши, прослушать их выступления, понаблюдать взаимопонимание их, чтобы сделать вывод о той несомненной близости диалектов чечено-ингушского языка, о которой говорилось выше.

На плоскостном чеченском диалекте говорят жители некоторых чеченских предгорных и всех плоскостных районов. Из общего количества чеченцев и ингушей, 499764 человека,⁴) более 60% говорит на этом диалекте.

¹) П. К. Услар. «Чеченский язык». Тифлис, 1888 г.

²) З. К. Мальсагов. «Культурная работа в Чечне и Ингушии в связи с унификацией алфавитов». Ингушский Научно-Исследовательский Институт Краеведения. Владикавказ, 1929 г.

³) Проф. Яковлев. «К вопросу об общих наименованиях родственных народов». «Записки Сев.-Кав. Научно-Исслед. Ин-та». Ростов-Дон, 1929 г.

⁴) Данные Всесоюзной переписи 1940 г.

Плоскостные чеченские районы с их более развитым земледельческим хозяйством, с нефтяным промышленным районом, имеющим всесоюзное значение, в центре, с их более высокой культурой, выражавшейся в относительно высшем общественном устройстве еще до покорения Кавказа, с языком, имевшим тенденцию распространиться на всю Чечено-Ингушию, являются передовыми в хозяйственном и культурно-политическом отношении.

Письменный чеченский язык, выработавшийся на основе плоскостного чеченского диалекта, имеет в настоящее время широкое распространение в школе, в политпросветучреждениях, и в делопроизводстве во всей Чечено-Ингушии (за исключением ингушских районов) и среди ауховцев, живущих в Дагестанской республике.

Тенденцию чеченского плоскостного диалекта стать в Чечено-Ингушии всеобщим заметил профессор Яковлев, утверждающий, что «чеченизмы» проникают из экономически и культурно более передовой плоскостной Чечни в Ингушию, и что в последней ингушские песни исчезли и заменяются чеченскими.¹⁾ Бесспорно, в утверждении проф. Яковлева имеется доля истины: чеченский фольклор проникает в Ингушию и часто укрепляется там с большим количеством чеченских языковых особенностей. Совершенно другую картину имеем в отношении письменной речи. Весь ход развития чеченской и ингушской письменности до административного объединения Чечни и Ингушии не дает нам права утверждать о проникновении в ингушскую письменную речь чеченских особенностей (об этом см. ниже).

На ингушском диалекте говорит все коренное население, живущее на территории б. Ингушской области, за исключением граждан селения Пседах, Пседахинского района, говорящих на плоскостном чеченском диалекте, и граждан селений Верхние и Нижние Аршты, Галашкинского района, которые говорят на галанчожском диалекте. Нужно заметить, что речь арштинцев в последние годы в значительной мере ассимилировалась ингушской. Всего говорящих на ингушском диалекте 92074 человека.²⁾

Особенностью ингушского диалекта является то, что в нем нет существенных расхождений даже типа говоров. Но ряд фактов заставляет нас с большой уверенностью утверждать, что такое единство было не всегда и что в конце XVIII в. в языке жителей обществ нагорной Ингушии бытовали чеченские особенности.

Академик Гюльденштедт, бывший в 1770 г. в Ангуште, записал термин «ценинстаг», (вернее было бы «цѐнинстаг», т. е. чистый человек, жрец. Гюльденштедт надгортанный «ц|» передает через «ц»). Десять лет спустя, в том же районе Штедер записал пле-

1) Проф. Яковлев.

2) По данным Всесоюзной переписи 1940 г.

менное название мецхальцев «ваьппи», а не «фаьппи», как звучит это слово теперь у мецхальцев.

В двух этих словах ярко выражены особенности чеченской речи. В термине «цIенинстаг», состоящем из прилагательного «цIенин» и существительного «стаг», настолько сильно звучала назализованная конечная гласная в прилагательном «цIенин», что Гюльденштедт обозначает ее через «н» зубной. В существительном «стаг» «ст» стоит в начале слова. В термине «ваьппи» ингушское «ф» заменено через «в». Все эти особенности чисто чеченские.

В современном языке мецхальцев также иногда слышим чеченское «схьа» — сюда, вместо ингушского «хьа».

Очевидно, что в речи обитателей западной окраины чечено-ингушской территории в конце XVIII века имелись чеченские особенности.

Это, а также и то, что именно выселенцы из Мецхальского общества в селение Земо-Алвани значительно ранее того периода, когда производил свои записи Штедер, называли себя «Вабуа», а по справедливому утверждению проф. Генко: «не вызывает никаких сомнений, что Вабуа тождественно племенному названию вепинцев»¹⁾, подтверждают наши соображения. В том же самом районе, где был Штедер, спустя всего тридцать лет после него, Энгельгард записал тот же термин в форме тождественной нынешней ингушской.²⁾

Чечено-ингушский язык, кроме перечисленных двух основных диалектов, основных потому, что по ряду языковых признаков это наиболее расходящиеся между собой диалекты, и на их основе оформились чеченская и ингушская письменности, почему их можно бы называть литературными, имеет еще ряд других: итумкалинский, на котором говорят Шатой, Чантый, Хачарой, Зумсой, Хильдихарой, Диштий и др. общества нынешних Шатоевского и Итум-Калинского районов, чебердоевский, галанчожский, подразделяющийся на майстинский, мелхистинский, акко-орштхоевский говоры, и по своему грамматическому и лексическому составу приближающийся к ингушскому диалекту, и ауховский или, вернее, аккинский. Речь населения Веденского, Саясановского и Накай-юртовского районов не изучена, но, повидимому, она только в небольшой мере отличается от речи плоскостной Чечни.

Автор настоящей работы летом 1936 года по поручению Краевого Историко-Лингвистического Института и Краевого Комитета Нового Алфавита побывал в нагорной Чечне для ознакомления с диалектами ее. Прделанная там работа позволила ему с оговоркой

1) Проф. Генко. „Из культурного прошлого ингушей“. Записки коллегии Востоковедов при Азиатском музее АН, т. V. Ленинград, 1930 г., стр. 698.

2) Ibid, стр. 696.

о недостаточности собранных материалов классифицировать диалекты нагорной Чечни.

Из всех названных диалектов чаберлоевский отличается особым произношением слов и особенностями перегласовок корневых гласных.

Широко бытующему в ингушском диалекте гласному «ъ» (всегда краткий среднего ряда, среднего подъема) в нем обычно соответствует краткий «а», но в некоторых словах сохраняется и «ъ» — например, в слове «ъ» — этот, он. В дальнейшем этот звук мы будем обозначать для удобства через «э», а редуцированный мягкий, обозначающийся в транскрипции русского языка через «ь» — через «э». Обозначить их через «ъ» и «ь» неудобно, так как эти знаки в чеченской и ингушской практических орфографиях имеют другие значения. Подобрать другие знаки не позволяют типографские возможности.

Корневой «а» обычно сохраняется и в производных формах. Чаберлоевский диалект с полным правом может быть назван «акающим».

Чаберлоевскому диалекту свойственно оглушение конечных звонких согласных в значительно большей мере, чем плоскостному чеченскому и ингушскому: «виr—осел, маr—муж». На всей территории Чечено-Ингушии только в чаберлоевской речи иногда слышатся надгортанные гиминированные в начальной позиции: «Къкъалу» — воровство; «Къкъалм» — мужское имя; «къкъарка» — водка. И только в ней не смягчаются гласные при перегласовках.

Благодаря более длительному произношению кратких гласных, чем это принято в других диалектах чечено-ингушского языка, и некоторому нивелированию различия между долгими и краткими слогами, а также благодаря более четкому и изолированному произношению слогов, — речь чаберловца отлична своеобразным замедленным и отрывочным темпом.

Указанные особенности речи с первых слов отличают чаберловца от всех остальных чеченцев и ингушей. Благодаря особенностям темпа речи, меньшему количественному различию между долгими и краткими гласными и отсутствию смягчения гласных при перегласовках, что нужно признать очень важными моментами в определении диалектальных особенностей, чаберлоевский диалект занимает особое место среди диалектов собственно чечено-ингушского языка.

Надо отметить, что морфологические формы чаберловского диалекта без существенных отклонений совпадают с плоскостным чеченским, что в некоторой мере сближает их. На чаберловском диалекте говорят жители Верхнего и Нижнего Чаберлоя.

Из прочих диалектов нагорной Чечни итумкалинский характеризуется постоянным соответствием плоскостному чеченскому и ингушскому «хк» — «рк»: «дохк — дорк» — туман, «сохку — сорку» —

в прошлом году, «мохк—морк»—страна, земля, «ахка—арка»—речка.

Некоторые признаки, как-то: замена плоскостного чеченского «ст» в начале слов через «с»: «стаг—саг»—человек, «стигал—сигал» — небо, «сту—су» — бык; относительно широкое бытование краткого гласного «э»; наличие в лексике некоторых ингушских особенностей: «боргIул», вместо чеченского «нIаьна» — петух, «миэн», вместо чеченского «биэн» — только, «морI—мор» — охалка, — сближает его с ингушским диалектом. Из ингушских грамматических форм наблюдается в нем форма сравнительной степени прилагательных: «диких» — лучше, «лексх» — выше, «чIогIох» — крепче, сильней.

Но несмотря на наличие подобных ингушских особенностей, итумкалинский диалект несомненно ближе к плоскостному чеченскому. В основном все грамматические формы и перегласовки гласных обоих диалектов совпадают.

Шароевский говор, на котором говорят жители нынешнего Шароевского района (Химой, Шарой, Хакмадой, Шукарой, Сондукой, Цесий и др.) является промежуточным между чаберлоевским и итумкалинским диалектами. Для него характерно акание, хотя и в меньшей мере, чем для чаберлоевского, наличие гласного «э», оглушение конечных звонких согласных, как в чаберлоевском. «р» глухой, исчезающий из чечено-ингушского языка, в большей степени, чем в других диалектах, бытует в шароевском говоре. В нем глухой «р» оглушает даже следующий за ним звонкий согласный: «арIту», вместо «арду» — скажу, «дерIту», вместо «дерду» — сделаю.

В шароевском, так же как и в итумкалинском, «хк» заменяется через «рк».

Галанчожский диалект несомненно ближе к ингушскому, чем к плоскостному чеченскому. Такие ингушские особенности как «с», вместо «ст» («саг» — человек, «сигал» — небо) в начале слова, окончание «шта» существительных дательного падежа множественного числа, употребление дифтонга «оа», целиком совпадают с ингушским произношением. Лексика также ближе к ингушской: «боргIал» — петух, «маьра, мара» — только, «кхиэл саг» — женщина. Глагольные формы преимущественно чеченские: «аьлла» — сказал, сказавший, сказанный, «вахна» — ушел, ушедший, но «аьллад» — сказал, тогда как в чеченском «аьлла», а в ингушском «аьннад».

Диалект орштхоевцев Галанчожского района не следует смешивать с речью орштхоевцев, проживающих в Ингушии и плоскостной Чечне.

Плоскостные орштхоевцы в 1865 году царским правительством были почти целиком насильственно выселены в Турцию. Оставшиеся или вернувшиеся из Турции орштхоевцы в значительной мере ассимилировались в зависимости от места жительства с ингушами или чеченцами плоскостной Чечни. В речи орштхоевцев,

проживающих на территории б/Ингушской области, в селении Сагопш или Бомут, еще можно отыскать отличия от ингушской речи, а в языке орштхоевцев из селений Плиево, Экажево, Алхасты, Галашки их совершенно нельзя найти. О языке орштхоевцев, живущих в плоскостной Чечне, у нас сведений нет.

Точно так же не следует смешивать горноаккинскую («лам аькхи») речь с диалектом плоскостных аккинцев или, как их иначе называют, ауховцев. По аккинскому (ауховскому) диалекту имеется, как мы отмечали, тщательно выполненная работа З. К. Мальсагова «Очерк аккинского (ауховского) языка» — результат его исследования, проведенного по поручению Всесоюзного Комитета Нового Алфавита летом 1933 г.

Аккинцев всего 10750 душ обоего пола¹⁾, населяют они пять аулов и ряд отселков в Хасав-юртовском районе Дагестанской АССР.

«Ауховцы, судя по их преданиям, выселились в нынешние места их жительство из Галанчожского района ЧИАО. Когда именно произошло это выселение, не представляется возможным определить. Проживая в течение долгого времени в тесном соседстве с кумыками, аккинцы подверглись с их стороны сильному влиянию, что очень заметно в аккинском языке, лексика которого пестрит кумыцкими словами и выражениями»²⁾, — пишет З. К. Мальсагов.

Диалект плоскостных аккинцев, подобно горно-аккинскому говору, относящемуся к Галанчожскому диалекту, имеет некоторые ингушские особенности, но он все же значительно ближе к плоскостному чеченскому. З. К. Мальсагов в результате своих исследований пришел к выводу о целесообразности распространения на аккинцев чеченской письменности, «усвоение которой не представляет для аккинцев трудностей».³⁾ Практика последних лет показала, что чеченская письменность без затруднений усваивается в аккинской школе.

Отличительные особенности диалекта, ставящие его в особое положение среди других диалектов, заключаются в следующем: постоянная замена чечено-ингушского сочетания согласных «лх» через «рх»:

чеченск. и ингушск.

аккииск.

ялх

ярх — шесть

малх

марх — солнце

болх

борх — работа

хьалха

хьарха — раньше

¹⁾ По данным З. К. Мальсагова, относящимся к 1933 году, см. работу его «Очерк аккинского (ауховского) языка», «Известия Чечено-Ингушского Научно-Исслед. Института языка». Грозный, 1936 г. т. I (IV).

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

Чечено-ингушский дифтонг «иэ» в некоторых случаях заменяется сочетанием «ив», в котором «в» согласный:

чеченск. аккинск.
и ингуш.

кхиэр кхивар — мужать, расти

хьиэр хывар — мять

дзиэр дзивар — наблюдать, замечать.

Отсутствие ассимиляции в глагольных формах, тогда как в чеченском наблюдаем прогрессивную ассимиляцию, в ингушском же — регрессивную:

аккинск. чеченск. ингушск.

алар — сказать аьлна, аьлла, аьнна — сказав, сказанный (ая, ое)

далар — выйти даьлна, даьлла, даьнна — выйдя, вышедший (ая, ее)

хилар — быть хилна, хилла, хинна — быв, бывший (ая, ее)

В других случаях в аккинском наблюдается регрессивная ассимиляция, как в ингушском:

аккинск.

ингушск.

чеченск.

хедда, хебба	худда, хубба	хирду, хирбу — будет
дийдда, бийбба	диэдэ, биэбба	дийрду, бийрбу — сделаю
лийдда, лийбба	лудда, лубба	лурду, лурбу — дам

Интересна форма прошедшего совершенного, в исходе которого в аккинском классный элемент сохраняется, как в ингушском: «уьв».

ингушск.

чеченск.

кхоьудануьв (й, б, д)	кхейдаьв (й, б, д)	кхевдина — потянулся за чем-либо (ась, ось)
воьузануьв (й, б, д)	вейзаьв (й, б, д)	вевзина — узнал (-а, -о)
оттануьв (й, б, д)	оьттаьв (й, б, д ¹)	х'оьттина — стал (-а, -о)

В аккинском отсутствует фрикативный, глухой, губо-зубной согласный «ф», как в чеченском, и сочетание «ст» в начале слов, как в ингушском.

Все данные об аккинском диалекте нами взяты из цитированной статьи З. К. Мальсагова. К сожалению, она опубликована с таким большим количеством неоговоренных опечаток, что пользование ею весьма затруднительно (необходимо тщательно сверить ее с рукописью и поправки опубликовать). Считаем нелишним привести выводы, к которым пришел З. К. Мальсагов по поводу аккинско-ингушского диалекта: «Подводя итог краткому очерку аккин-

¹⁾ Орфографически «кхайдав, вайзав, эттав».

ского языка, следует указать прежде всего на большой интерес, который представляет собою некоторые его формы с точки зрения восстановления картины языкового развития на территории, так называемого «вейнахского» языка. Сближаясь с некоторой стороны с баббийским, аккинский язык восполняет до известной степени тот пробел, который намечается в области «вейнахской» диалектологии и дает некоторую возможность судить о языковых взаимоотношениях в данной части Кавказа в более или менее отдаленном прошлом. Представляется крайне необходимым дальнейшее углубленное изучение этого очень интересного языка в связи с обследованием района «Лам-Акки» (Галанчожский район Чеч. Авт. Обл.), древней родины аккинцев». Несомненно, что аккинцы на плоскость выселились из «Лам-Акки», и выселились первыми, почему язык их должен быть особо интересен».

Ценный материал, в основном подтверждающий все изложенное о чечено-ингушских диалектах, мы находим в работе проф. Генко. «Из культурного прошлого ингушей». В ней проф. Генко пишет:

«Руководствуясь материалами лингвистической анкеты, производившейся в связи с первой переписью 1897 года, и записями, произведенными в 1926 г. в Кахетии автором этих строк, мы получаем следующую картину распределения диалектов: кроме джераховцев, языком, имеющим некоторые существенные фонетические, морфологические и лексические особенности, характеризующие ингушский язык в отличие от прочих чеченских наречий, говорят:

1) жители Мещхальского, Хамхинского и Цоринского обществ горной Ингушии; 2) жители всех плоскостных аулов, расположенных в районе верхнего течения рек Камбилеевки, Сунжи, Ассы и отчасти Фортакги, за исключением группы аулов, расположенных в стороне, на территории известных в истории XVI—XVIII вв. малокабардинских Ахловых кабаков, где один аул Пседах характеризуется чеченскими особенностями, как напр.: тĕкъиэсна—девятнадцать, зуда—жена, женщина, куйг—рука, стигил—небо, доацун, йоацун—короткий, стак—человек, цĕацухъ—дома; 3) так называемые (по-грузински) кистинские общества верховьев Аргуна, в частности общества Саханойское¹⁾ и Маистское²⁾ б. Тифлиской губернии и Хильдихароевское Аргунского округа. В недавнее сравнительно время (XIX в.) из указанных обществ выселилось в Панкисское ущелье (верховья кахетинской Алазани) небольшое количество кистин, образовавших селения Джаколо (жокъалаярт) и Дуйсопели (дувюрт) и занявших селение Омало (омал), Хорджа (хоржаниэ) и др. По сведениям Радде, собранным в 1876 г., кистины имелись также в тущинском селении Чиго (Дарт-

1) Мелхинское общество.

2) Майстинское общество.

лоское об-во), в грузинском селении Зенамхари (Земо-Тионетское об-во) и в селениях Бахтриони и Хорбалло.

В настоящее время встречаются они же в некоторых грузинских селениях Кахетии, как Артана (Напареульского общества), Ахметы и др. Записи слов, производившиеся в указанных селениях, показывают такие ингушские особенности как «ткъизэста» — девятнадцать, «сиэсак» — жена, «кулг геср», «кулк» — рука, «сигил» — небо, «лоац» — короткий, «сак» — человек, «цIагIаш» — дома; 4) на крайнем востоке чеченской территории, в Хасав-юртовском округе, некоторые селения (каковы: Чанка-юрт, Акбулат-юрт, Кара-Су, Голайты и Билт-аул) проявляют известные ингушские особенности (сиэсак, кулук, сигил, лацун), причем предания объясняют эти особенности сравнительно недалеким ингушским происхождением жителей. Следует еще заметить, что произношение «с» (вместо обычного «ст» в начале некоторых слов в чеченском) характеризует всю нагорную полосу Чечни, вплоть до чеченцев Андийского округа в Дагестане (отмечено для Итум-Кале, Чабер-лоя и т. д.). Все перечисленные районы образуют, таким образом, в настоящее время особую разновидность чеченского языка, которую мы можем назвать условно ингушской, противопоставляемой собственно чеченской группе наречий, начинающейся непосредственно к востоку от Фортанги, по течению реки Нетхой, Шалаж, Гехи и пр. Аккинское об-во, в верховьях западных притоков Гехи, ныне относится уже к чеченцам».¹)

Утверждение проф. Генко подтверждает и проф. Яковлев, у которого читаем: «Что касается Вейнахского нагорья (Чечено-Ингушского. — Д. М.), то на всем протяжении, начиная от смежных с Дагестаном областей на востоке и кончая нагорной Ингушией на западе — распространены особенности (в языке. — Д. М.) которые мы должны признать весьма близкими и, может быть, даже целиком относящимися к ингушскому языку».²)

IV. РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ДИАЛЕКТАМИ.

Внимательно проанализировав язык ингушей и язык плоскостных чеченцев, мы также придем к выводу, что различия между ними не настолько глубоки и существенны, чтобы квалифицировать их как родственные, но самостоятельные языки.

Приводим все существенные расхождения между этими литературными диалектами:

А) ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ.

Из всех разделов грамматики наибольшее количество расхождений между литературными диалектами мы находим в области

¹) Проф. Генко. «Из культурного прошлого ингушей». «Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском музее Академии наук», т. V, стр. 683. Ленинград, 1930 г.

²) Проф. Яковлев. «Языки и народы Кавказа». Москва, 1930 г.

фонетики. Объясняется это явление, главным образом, наличием несомненных тенденций к упрощению очень сложной фонетической системы чечено-ингушского языка, которые легко прослеживаются при сравнении фонетики диалектов собственно чечено-ингушского языка между собой.

Заключаются они:

- 1) в постепенной замене аффрикатов «дж», «дз» фрикативными «ж» и «з» (с падением вводного «д»),
- 2) в утрате глухого «л» и частично глухого «р»,
- 3) в значительном ослаблении гамзы,
- 4) в уменьшении употребления айнированных гласных,
- 5) в уменьшении назализации гласных,
- 6) в упрощении системы дифтонгов.

Вместе с тем чечено-ингушским языком усваивается согласный «ф» и вырабатываются долгие гласные и дифтонги за счет стяжения.

Аффрикаты «дж», «дз» довольно часты в зачине в обоих литературных языках. В коренных чечено-ингушских словах нет «ж» и «з» в зачине.

В ингушской речи «дж», «дз» могут быть не только в зачине, но и в исходе, и в середине слова, тогда как в речи чеченцев плоскостных районов — только в зачине:

■ чеченской	в ингушской
дзлуок	дзлуок — клюв
дзаз	дзаз — цвет
дзайла	дзазга — сковородка
дзиэн	дзиэн — вред
дзиэр	дзиэр — наблюдать
джуьр	джур — мука
джим	джим — почки
джлов	джлов — молот
джий	джий — овца
джиэруо	джиэруо — вдова

В ингушской речи в конце:

бордз — волк	гладж — палка, посох
модз — мед	модж — борода
боардз — холм, насыпь	хьадж — запах

В середине слов ингушской речи эти аффрикаты слышатся не так явственно, а в некоторых словах заменяются соответствующими фрикативными:

бордз	берза	— волк, волка
модз	меза	— мед, меда
боардз	боарза	— холм, холма

хьадж	хьажа хладжа — запах, запаха
гладж	глажа гладжа — палка, палки
модж	можа моджа — борода, бороды

В ингушской орфографии до 1938 года аффрикаты «дж», «дз» обозначались через «з», «ж», как и в чеченской.

С этого года для различения слов допускается написание «дз, дж». Авторы орфографии мотивируют это положение необходимо различно писать следующие две пары слов:

глаж — гусь	гладж — палка
моз — муха	модз — мед

Фонетически приведенные слова должны быть записаны так:

глаж — гусь	гладж — палка
мозэ — муха	модз — мед

Для различения соответствующих пар слов не следовало вводить в орфографию написание «дж», «дз», создающее излишний разнобой с чеченской орфографией, т. к. первая пара слов различима обозначением долготы «а», как это допускается и в чеченской, и в ингушской орфографии, а вторая пара вообще не может быть смешана, ибо первое слово «моза-муха» двухсложное, тогда как второе «моз-мед» односложное.

В плоскостном чеченском диалекте «дз, дж» в исходе и середине слов без исключения заменяются соответствующими фрикативными, тогда как в ингушском и ауховском диалектах наблюдается ослабленное звучание их, а в некоторых случаях, как упоминалось выше, даже совершенное выпадение первого компонента, взрывного согласного.

В башбийском языке «дз», «дж» употребляется во всякой позиции.

Глухое «л» (мы обозначаем глухое р и л через rI и lI) утрачено всеми диалектами чечено-ингушского языка, тогда как в башбийском он является фонемой:

арlлар	— молотить
мелl	— сколько
мелlху	— как бы ни было, сколько бы ни было
тарlлено	— похожий
тилlвар	— заблудиться, пройти мимо
ворlлl, ворlллейтI	— семь, седьмой
барlлl, барlллейтI	— восемь, восьмой

Приводим чеченские и ингушские соответствия:

арар	ардар	— молотить
миэл	миэл	— сколько
мелхуо а	мелла а	— как бы ни было, сколько бы ни было.

тери	— тара	— похожий
тилар	— талар	— заблудиться
вуорI, вуорIалгIа	— вуорI, вуорIлагIа	— семь, седьмой
барI, барIалгIа	— барI, барIлагIа	— восемь, восьмой

Глухой «р» сохранился в плоскостном чеченском только в 2-х словах — вуорI — семь, барI — восемь и в производных от них вуорIалгIа, вуорIиталгIа, барIалгIа, берIиталгIа и т. д.

В ингушском «рI» сохранился несколько больше: в 10—12 словах: вуорI, вуорIлагIа, вуорIитлагIа — семь, седьмой, семнадцатый; барI, барIлагIа, бардеитлагIа — восемь, восьмой, восемнадцатый

морI — охалка
 марIа — в объята
 биэрIа — соус, рассол
 ларIар — считать, уважать и т. д.

Глухое «рI» не является фонемой в плоскостном чеченском диалекте. В ингушском же некоторые слова могут получить новое значение при замене глухого «р» звонким:

вуорI — семь, вуор — истощенное животное (у чеченцев хIуор).
 биэрIа — соус, биэра — овраг, оброк.

Глухой «р» не следует смешивать с оглушенным «р» в конце слов или перед глухими согласными, который появляется в связи с законом оглушения в подобных позициях звонких парных согласных, свойственным в различной степени всем диалектам чечено-ингушского языка. «рI» остается глухим перед звонкими согласными и даже гласными, тогда как оглушенный «р» становится в этой позиции звонким:

марI — муж мара — мужа
 муорI — охалка муорIаш — охалки

Оглушение больше в нагорной Чечне и Ингушии, особенно в первой, нежели в соответствующих плоскостных районах.

Переходя к особенности звука, который известен под названием гамзы (твердого приступа), мы должны заметить, что в чечено-ингушском языке она заключается в межсвязочном смыке перед произнесением гласных в начале слов и слогов.

В указанных позициях все гласные произносятся с твердым приступом.

В некоторых словах гамза может быть долгой. Долгота гамзы подобна долготе взрывных согласных, т. е. она происходит вследствие того, что после образования межсвязочного смыка гласный звук произносится только после длительной паузы. За краткой гамзой могут произноситься долгие и краткие гласные, после долгой гамзы — только краткие гласные.

Гамза в середине слов больше свойственна плоскостному чеченскому диалекту, в ингушской речи она появляется преимущественно в словах, которые находятся под логическим ударением:

чеченские	ингушские	ингушские под логич. ударением	
ве'эна	виэна	ввиэна	— пришедший
ди'эна	диаь	ддиаь	— кушавший
ли'эна	лейна	ллейна	— ходивший
кха'эмаза	кхомаза	ккхомаза	— неэкономный
ха'эл	хал	хал	— достаточный, чтобы узнать
да'эл	да'эл	да'эл	— достаточный, чтобы накучаться
то'эл	то'эл	то'эл	— достаточный

В ингушском произношении в словах «да'эл, то'эл», не находящихся под логическим ударением, гамза краткая и слышится слабо, тогда как под ударением долгая и слышится явственно.

Из приведенных выше примеров видно, что часто там, где в чеченском диалекте в середине слов имеется долгая межсвязочная гамза перед «э», в ингушском находим долгий монофтонг или дифтонг.

Гамза в исходе в одинаковой мере долго и четко звучит в обоих диалектах:

хIуо'э	фу'э	— яйцо
ши'э	ши'э	— два
кхуо'э	кхуо'э	— три
га'э	га'э	— бедро
ди'э	ди'э	— четыре

В практической чеченской и ингушской орфографиях гамзированная гласная в исходе обозначается через «ъ».

Сильно гамзированными могут быть в чеченском диалекте «э, у, и» как в середине, так и в исходе слов:

хIуо'э	— яйцо
ду'ург	— кушаемый, кушающий
лу'ург	— желаемый, желающий
ай'ира	— поднял

В ингушском только «э»:

фу'э	— яйцо
цхьа'э	— один
ду'э	— кушаю
те'эл	— довольно (в меру)

Нужно заметить, что количество слов, в которых встречается долгая гамза, немного. Гамза в исходе в производных формах при наращении суффиксов часто ослабевает или исчезает:

в чеченском	в ингушском	
xIyo'ə, xIyo'yo	фу'ə, фу'yo	— яйцо, яйцом
ши'ə — шиммуо	ши'ə, шинниэ	— два, двумя
кхуо'ə — кха'эмую	кхуо'ə, кхаьнвиэ	— три, тремя

Природа надгортанникового смыка, в результате которого происходит звук, обозначаемый в практических орфографиях обоих диалектов через «I», не так ясна; вопрос о нем требует экспериментального исследования. Он очень редок в исходе:

в чеченском	в ингушском
вуoI	вуoI — сын
йуoI	йуoI — дочь
цхьaI	цхьaI — один

В конце этих слов после перерыва в голосе, вызванного надгортанниковым смыком, путем резкого и быстрого толчка произносится звук, подобный арабскому айну. Этот звук, может быть, длительным, и как бы долго он ни тянулся, сохраняет свой специфический оттенок. Например, в ингушских словах: «вуoI, вуoIa» — сын, сыну; «йуoI, йуoIa» — дочь, дочери. То положение, что он не теряет гортанный оттенок, как бы долго он ни был, заставляет считать его монофтонгом, а не сочетанием гласного с предшествующим согласным:

Ia	— зима
Iaй	— зимой
Iy	— батрак
Iyй	— батраки
Iи-Iин	— тень
Iиэ	— останься
Iyo	— вниз (направительная приставка)
Ioa	— тот (о находящемся внизу)
Iep	— оставаться
Iуьйриэ	— утро
Iовшар	— жевать (однократно)
Iувшар (Iийшар)	— жевать (многократно)
Ioакъa	— плита, сковорода.

Из приведенных примеров видно, что все гласные чечено-ингушского языка могут быть айнированными.

Айнированные могут образовывать слоги, слившись с предшествующим им звонкими согласными: б, д, дж, дз, м, н, й (йот) в зачине:

	в чеченском	в ингушском	
б	биуогIум	биоагIа	— столб
д	дIара	дIара	— оттуда
ж (вернее дж)	жIала	жIали	— собака
з (вернее дз)	зIе зIи	зIе зIи	— цепь
м	мIара	мIара	— ноготь
н	нIаьна	нIана	— червь
й (йот)		йIаьха	— длинный, богатый
в		вIаьха	— длинный, богатый

В чаберловском диалекте и шароевском говоре возможно сочетание айнированных с «л» «лIоха» — низкий, «лIакха» — высокий. В ингушском диалекте всего несколько слов с «й» и «в» перед айнированными. Кроме приведенных: «вIаши» — вместе; «вIайха, йIайха» — горячий; «вIалла» — совсем, «вIов» — многоэтажная башня. В чеченском диалекте айнированные в этих словах заменяются обычными гласными, кроме «вIалла», которого вовсе нет в языке плоскостных чеченцев.

В некоторых словах айнированные могут расщепляться с предшествующими звонкими согласными:

бIар — орех, но фукультативно употребляется в плоскостном чеченском: баIар — орех.

мIара — ноготь, крючок и маIара.

нIаьна — червь и наьIана.

Из глухих перед айнированными могут быть: «п, т, ч, ц».

Глухие согласные, предшествующие айнированным гласным звукам в практической орфографии принято обозначать через «пх», «чх», «тх», «цх».

пхьор	— ужин	тхьаьвсар	— заснуть
пхьар	— кузнец	тхьоз, тхьаймаз	— альчик
чхьагIар	— вино	цхьогал	— лисица
тхьамда	— тамада	цхьамза, цамза	— штык.

В одних диалектах чечено-ингушского языка айнированные звуки употребляются больше, в других — меньше. В некоторых селениях Шароевского района почти все гласные в зачине имеют айнированный оттенок. Меньше всего айнированных в плоскостном чеченском диалекте. В Ингушии их больше в восточной части ингушского нагорья.

Шароевский

ингушский

плоскостной чеченский

Іашк
бІоду
Іалча
Іадам
Іалчи

аьшк
боад
алча
адам
аьлча

эчик — железо
боду — сумерки
алаша — мерин
адам — человек
аьлчи — сказав

Следующие ряды слов показывают случаи исчезновения айнированности в плоскостном чеченском, тогда как в ингушском она сохраняется:

в чеченском

в ингушском

эса
уохъа
уохъахаар

Іаса — теленок
Іуо — вниз
Іуохар — садиться.

Даже в словах, усвоенных ингушским диалектом из иностранных языков, в отдельных случаях гласный в зачине может быть айнированным:

в чеченском в ингушском

айгІар — ІайгІар — жеребец
эхирт — Іаьхирт — преисподня.

Наблюдается и обратное явление—утрата айнированности в ингушском диалекте при сохранении ее в плоскостном чеченском:

тхьум	тум	—	кочан кукурузный
дІавш	дохъаш	—	яд
бІал	боал	—	отвал земли, борозда
жІомугІа	жамбалт	—	топор
Іиллар	иллар	—	лежать
Іеттар	этІлар	—	рваться.

Возможно факультативное бытование в одном и том же говоре слов с айнированным и неайнированным гласным, например, в плоскостном чеченском:

цхьамза, цамза — штык
тхьум, тум — кочерыжка кукурузная.

Сравнение лексики литературных диалектов с лексикой нагорных убеждает нас в том, что айнированные гласные в большой мере свойственны последним.

Сопоставление литературных диалектов между собой и с остальными диалектами чечено-ингушского языка также показывает, что имеется тенденция к ослаблению межсвязочного смыка, что этот процесс пошел дальше в ингушском диалекте.

Баббийский язык, повидимому, утратил гамзу. По крайней мере имеющиеся в печати труды по баббийскому языку о нем не упоминают.

Айнированных в нем также значительно меньше, чем в чечено-ингушском:

чеченский	ингушский	бацбийский
ан	ан	1ay — ревматизм
биэн	мара	be1 — только
б1ериг	б1арг	бхьарк1 — глаз
б1уо	б1уо	бхьо — войско
вуо1	вуо1	вуохь — сын
д1а	д1а	дахь — туда, там
з1уок	з1уок	зок — клюв
иэхь	иэхь	1еп — стыд
кхабар	кхабар	кху1дар — кормить
ма1а	му1а	мхьао — рог
м1ара	м1ара	мхьара — ноготь
на1ни н1аьна	н1ана	нхьан — червь
1ад	1ад	ат1кь — лук
1овшар	1овшар	ап1шар — жевать
1ахар	1ахар	ахрзб — барашек
1иэ	1и	эн — пар
1иэхар	1иэхар	ахар — лаять
1иэхуор	1иэхуор	ахвар — обмануть
1уриг	1ург	хьуирг — дырка

Назализация гласных в настоящее время весьма слабо звучит в чечено-ингушской речи. Назализованными могут быть, главным образом, краткие гласные в исходе. Встречается она и в середине чеченских и ингушских слов. З. К. Мальсагов в ингушской грамматике фиксировал даже весьма слабо выраженную назализацию (дайн — легкий, б1ен — гнездо, бун — шалаш, ц1ейн — святилище, ц1ен — красный, дин — конь, ун — болезнь, ан — ревматизм).¹⁾

В том же труде встречаются слова, в которых назализация отмечается и в середине слов: ц1енл — «краснота», «вонл» — дурное качество.

В речи плоскостной Чечни назализация бывает в тех же позициях, что и в ингушской речи, но звучит значительно сильнее с наибольшей четкостью назализация звучит в речи майстинц (говор галанчожского диалекта).

Назализованными могут быть, правда очень редко, гласные закрытого слога с носовым согласным «н» и «м» в исходе:

танг1алкх — виселица

тхенка — шерсть с одного барана

¹⁾ Типографские возможности принуждают нас обозначать назализацию гласного путем постановки после него „н“.

А также гласные после носовых согласных:

Миновси — Миновси (имя)

новкъост — товарищ

Назализация гласных в этих позициях ни в чеченской, ни в ингушской орфографии не обозначается. Практика показывает, что и необходимости в этом нет никакой.

Таким образом, в обоих литературных диалектах назализованные гласные могут быть не только в конце слов, и от наличия их зависит в некоторых случаях смысловое значение слов:

бун — шалаш	бу — есть
Іан — зима	Іа — ты (тобой)
кан — колос	ка — баран
шун — столик	шу — вы

Ряд фактов свидетельствует, что назализация гласных чечено-ингушского языка есть результат исчезновения согласного «н» в конце закрытого слога (это не относится, конечно, к назализации, происходящей под влиянием предшествующих и последующих «м, н»). Отпавший «н» в словах (словах), с конечным кратким назализованным гласным, сохраняется в косвенных формах слов как чеченских, так и ингушских:

в чеченском и ингушском	в чеченском	в ингушском
ан	энан	ан — ревматизм, ревматизма
бун	буьнан	буна — шалаш, шалаша
зиэн	зиэнан	зиэна — вред, вреда
шун	шуьнан	шуна — стол, стола

В прилагательных:

вуон	вуониш — плохой, плохие
дайн	дайниш — легкий, легкие
кІайн	кІайниш — белый, белые
къиэн	къиэниш — бедный (скудный), бедные

В глаголах:

дан	дина — делать, делал
гун	гина — видеть, видел
дахъан	дихъна — нести, нес

В некоторых формах ингушского диалекта возможно чередование окончаний: ан || ан; ун || ун (в первых словах «н» обозначает назализацию предшествующей гласной, а во вторых — согласный):

лоаман лоаман — горы

майрачун
хаьхуочун

майрачун — храброго
хаьхуочун — сторожа

Ингушская терминологическая комиссия, учитывая это явление, совершенно правильно еще в 1933 г. вынесла решение:

«В целях упорядочения ингушской орфографии и сближения ее с чеченской, не внося в нее (в ингушскую орфографию) до издания стабильных учебников коренных изменений — признать необходимым немедленное введение для руководства следующих правил:

1) Родительный падеж единственного и множественного числа писать с немым «п»¹⁾: говрап, милицеп, гIалгIайп и т. д. Окончание родительного падежа множественного числа установить следующее: ийп и айп (как наиболее встречающееся).

Не возбраняется, а поощряется написание зубного «н» вместо немого «п»: говран, гIалгIайн, бешамийн и т. д., так как это «н» является живой формой родительного падежа в ингушском языке, напр: мазан, пейдан, бугIан.

2) Дательный падеж от масдаров обязательно, а от имен существительных предпочтительно писать через «нна»: эцарна, тахкарна, говранна, колхозанна, советанна и т. д.»²⁾.

Буква «п» в чеченской орфографии до 1938 г. обозначала назализацию гласных и служила знаком различия некоторых совпадающих по своим формальным признакам грамматических форм, тогда как в ингушском письме ее (п) не было вовсе. Это являлось одним из существенных расхождений в письме, не вызванных особенностями живой разговорной речи.

Буква „п“ была в чеченском письме

знаком назализации:

ап — ревматизм

буп — шалаш

хьуп — лес

различительным знаком:

дикап	— хороший	дика	— хорошо
доьшуп стаг	— читающий человек	аса доьшу	— я читаю
сан биэзам бу диэшан	— я хочу читать	диэша	— читай

В 1938 году из чеченского алфавита исключена буква «п» и введены правила обозначения в некоторых случаях назализации гласных через «н». Существовавший в чеченской и ингушской ор-

1) п — обозначает носовой оттенок гласного.

2) Ghalghaj terminologij sbornik № 2. 1933 ш. Орджоникидзе.

фографиях разнóбой в обозначении носовых гласных этим меро-
приятием хотя в значительной мере и уменьшен, но не ликвидиро-
ван целиком, т. к. в ингушской орфографии упорно игнорируются
носовые гласные.

В чеченской орфографии в § 21 сказано: «Носовой оттенок
гласного в конце слов обозначается буквой «н» только в следую-
щих случаях:

а) во всех односложных словах, в окончании которых слы-
шится носовой гласный или носовое «й», например:

ан	—	ломота, ревматизм
бен	—	гнездо, кроме
бун	—	шалаш, балаган, курятник
вон	—	плохой, дурной
глан	—	сновидение
дайн	—	легкий

б) Во всех словах, отвечающих на вопросы: «хъенан?» —
чего? чей? к чему относящийся? чему принадлежащий? «сте-
нан?» — чего? чей? к чему относящийся? чему принадлежащий?
(т. е. в форме родительного падежа обоих чисел всех склоняемых
слов), например:

Нохч-гIалгIайн мохк	—	Чечено-Ингушетия
юьртан бахам	—	сельское хозяйство
Ленинан гIуллакх	—	дело Ленина
вайн гIуллакх	—	наше (общее) дело
массо а мехкийн пролетареш	—	пролетарии всех стран
халкъийн доттагIалла	—	дружба народов
Сталинан къамел	—	речь Сталина
сан дешар	—	мое учение, моя учеба

Официальной ингушской орфографией не допускается в этих
случаях написание «н». Но вопреки установленным правилам, ав-
торы и переводчики часто пишут «н» в родительном падеже ус-
военных слов: «Искран лоархIамегIа дола гIулакх дар къоастам
баь партен программан проект оттаелга.— Важнейшим делом
«Искры» была выработка проекта программы партии». «Социал-
демократен программа — Программа социал-демократов», «Кхъа
областен конференцена — На конференции трех областей»¹⁾.

В чечено-ингушском языке имеются следующие монофтонги:
а, е, у, о, и, э, ә. «ә» — гласный среднего ряда, среднего подъема
всегда краткий, он по своему качеству весьма близок к редуциро-
ванному «а» в русском языке. «ә» — редуцированный «и».

1) „Чеченский и ингушский алфавит на русской основе и орфографии“. Чечингосиздат. Грозный. 1938 г.

Нами выписана только часть приведенных в названной орфографии примеров.

2) Этот и остальные примеры взяты из перевода на ингушский язык „Краткого курса Истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большеви-
ков)“. Грозный, 1939 г.

В чечено-ингушском языке чрезвычайно развита система дифтонгов: оа, уо, иэ, ув, ов (ав), ай (эй), аьй, уй, уьй, ий, ой, оьй, иэь, эв (оьв), аьв, оь (эо) уь (уй). Дифтонги «аь, уь, оь» состоят из гласных «еа, уи, уе (ео)». В скобки взяты варианты дифтонгов.

Только в чеченской орфографии обозначаются «оь», «уь» и «иэ» (правда, обозначение последнего с 1938 г. не обязательно), в свою очередь дифтонг «оа» — только в ингушской. Это положение дало повод некоторым исследователям, судящим о фонетике по зрительным восприятиям написанного, утверждать, что чеченскому диалекту не свойственно «оа», а ингушскому «иэ, оь, уь» и назализация.

Звуки «оь, уь, иэ»¹⁾, как и назализация, обозначались в ингушском письме, но в 1927 году работниками национального издательства признано было излишним для ингушской письменности обозначение их. Из этих звуков дифтонг «иэ» широко бытует в ингушском диалекте, расхождений в употреблении его между литературными диалектами немного. О назализации мы говорили выше.

«Оь, уь» в ингушском диалекте встречаются не часто и обычно чередуясь «оь || иэ, уь || ий, уь || и».

В словаре З. К. Мальсагова имеются слова с «оь» в корне:

оьрсиз	— русский
оьздиз	— вежливый
чоьж	— ущелье, нижняя часть лица
боьрдж	— чувяк
коьр	— ястреб
кюьс	— полоса скошенного хлеба или сена
чоькхи	— черкеска
соьлиэ	— дагестанец
ноьглиэ	— ногаец
Боьштиэ, Шоьлиэ, Коьккиэ, Коьллиэ, Оьзмиэ, Тоьвглиэ	— названия аулов в нагорной Ингушии и др.

Встречаем иногда «оь» в корнях производных форм существительных: корта, коьртиэ || киэртиэ — голова, в головах.

суо, суо соь || суо сиз — я, я сам

хьюо, хьюо хьоь || хьюо хьиз — ты, ты сам

В производных формах всех глаголов корневые «о» или «уо» смягчаются в оь || иэ:

уоллар — повесить (вернее повешание — вешание); оьллаь — повесив, весивший, повешенный; оьллар — повесивший, повешенный;

1) Дифтонг „иэ“ обозначался до 1938 года через „ie“.

оьллаъча — где повешан, оьллаъчара — оттуда, где висел, где вешал; оьллар — повесил; оьллаъдар — повесил было;

оттар, оьттаъ, оьттаър, оьттаъча, оьттаъчара, оьттар, оьттаъдар, — статья;

кхоссар, кхоьссаъ, кхоьссаър, кхоьссаъча, кхоьссаъчара, кхоьссар, кхоьссаъдар — бросить и т. д.

В приведенных примерах звук «оь» не одинаково устойчив. В топонимических терминах он наиболее устойчив: «Кохькиэ, Коьлиэ, Цоьблиэ» и др. Он ясно звучит и не может быть заменен другим звуком в словах, обозначающих названия народов:

«соьлиэ, ноьгӀиэ», но «оьрсиэ || иэрсие».

В немногих широко употребляющихся словах: черкеска — «чоькхи», «чоьж» — ущелье, нижняя часть лица, «коьр» — ястреб, — также наравне с «оь» не употребляется другой звук, заменяющий его.

В большинстве слов «оь» чередуется с «иэ»:

оьрсиэ || иэрсие — русский

оьздие || иэздие — вежливый

коьс || киэс — полоса скошенного хлеба или сена

шгоьра || шиэра — широкий

пхьор || пхьиэр — ужин

оьрг || иэрг — клубок

Во всех перегласовках «уо», «о», в «оь» факультативно появляется «иэ»:

куорта, коьртиэ || киэртиэ — голова, в головах.

уоллар, оьллаъ || иэллаъ — вешать, вешанный, весивший

туохар, тоьхаъ || тиэхаъ — ударить, ударенный, ударивший

кхуоссар, кхоьссаъ || кхиэссаъ — бросить, брошенный, бросивший

дуохар, доьхаъ || диэхаъ — разбить, разбитый, разбивший.

«Оь» больше и четче звучит в устах стариков, молодежь почти не употребляла его до последних лет.

В чеченском литературном диалекте «оь» бытует больше, чем в ингушском:

боь — горный чеснок

боьра — балка

боьршалла — мужество

боьха — грязный

доьла — десна

доьзал — семья

гоьжа — шелковичный кокон.

В чеченском литературном диалекте возможны следующие перегласовки корневых гласных в «оь»:

«иэ» в «оь»:

диэшар, дьошу — учиться, учусь

лиэхар, лоьху — искать, ищу

дизхар, доьху — просить, прошу
«o//yo» в «oь»:

уоллар, оьлли — повесить, весил
уохкар, оьхки — повесить, вешал
дуоссар, доьсси — опускаться, опускался
Луом, лoьма — лев, льва
Лор, лoьраш — врач, врачи
Дуо, доьрчий — сапетка, сапетки

«уьй» в «oь»:

лубьдиг, лoьдгаш — лист кукурузной початки, початки
уьйриг, oьрга — клубок, клубка.
гуьйриг — гоьргаш — чурбан, чурбаны.

Больше чем в плоскостном чеченском встречается «oь» в нагорно-чеченских диалектах. Например, в итумкалинском, который ближе других к литературному диалекту, «oь» иногда появляется там, где в последнем «o (yo)»:

в литературных диалектах в Итумкалинском

куог, куогаш	куог, коьгаш — нога, ноги
хуох, хуошаш	хуох, хоьхаш — лук

В чеченском литературном диалекте нет «oь» в суффиксах, слов с корневыми «oь» в нем также немного, достаточно сказать, что его нет ни в одной начальной форме чеченского глагола. Характерно, что «oь» нет повидимому в архаичном чаберлюевском диалекте, а в бацбийском языке он встречается не часто, во всяком случае реже, чем в плоскостном чеченском.

Преимущественное употребление «oь» в корнях топонимических терминов высокогорной Ингушии, т. е. в терминах наиболее архаичных и претерпевающих звуковые изменения в последнюю очередь, свидетельствует о давности его (звука «oь») в ингушском диалекте. Относительно небольшое количество слов с этим звуком, отсутствие его в топонимике плоскостной Ингушии, нечеткое звучание и чередование с другими звуками, наконец, большее употребление его стариками, чем молодежью, которое наблюдалось до последних лет, дает нам право ставить вопрос: не относился ли он к исчезающим звукам в ингушском диалекте? На этот вопрос надо ответить положительно. Работники ингушского национального издательства, в свое время исключившие «oь» из алфавита, с точки зрения норм ингушского диалекта имели к тому достаточно оснований.

Ясно, что обозначение «oь» в чеченской орфографии совершенно необходимо, бесспорно также, что после объединения чеченской и ингушской областей ингуши, часто сталкивающиеся с чеченцами, под влиянием их начинают все чаще и чаще произносить «oь», вместо «из» и «o (yo)». Ныне в Ингушии «oь» звучит не только в устах стариков.

Звук «уь» ингушскому диалекту свойствен еще меньше, чем «оь», тогда как плоскостному чеченскому больше.

В ингушском он всегда чередуется с «у» и «и», редко с «э»:

Гуьйриэ, Иййриэ, Гуйриэ — утро

уьйчиэ, ийчиэ — коридор

уьйла, ойла, уйла — мысль

буьйр, бийр — приказ

гуьйриэ, гийриэ — осень.

В перегласовках и суффиксах словообразования и словоизменения в ингушском диалекте «уь» не встречается.

В чеченской речи «уь» может быть в корнях начальных форм и появляться в производных формах при перегласовках:

в корнях:

I. в чеченск. литературн.

„уь“

туьма
туьнкилг
туьхи
чуьйриш
луьрг
хуьрсик
дуьниэ
гуьржиэ
Гуьмсиэ

в ингушском

„у“

тума — туман (10 рублей)
тунгилг — дымовая труба
тух — соль
чураш — кишки
Iург — дыра
хурсик — поросенок
дуние — мир (вселенная)
гуржие — грузин
Гумсиэ — Гудермес

Как видно из примеров, на место «уь» в ингушском диалекте появляется сходный по лабиализованности «у».

II. в чеченском литературн. в ингушском

„уь“

туьки
туьти
хуьнар
уьшул
буьйду
нуьйду
муьста
луьра
луьста

„и“

тика — лавка
тити — голова (черепная коробка)
хьинар — энергия
ишал — болото
бийда — беспелый, сырой
нийда — пуговица
миста — кислый
лира — свирепый
листа — частый

В подобного типа перегласовке на место чеченского «уь» долгого в ингушском появляется «и» долгое, а на место краткого «уь» — редуцированное «и», весьма близкий к русскому заударному «и».

Мы привели основные ингушские соответствия чеченскому «уь», кроме них есть и другие, встречающиеся, правда, в ограниченном количестве:

в чеченском литературн.

„уь“

уьриг

куьра

суьли

в ингушском

„об“, „из“.

оьрг || орг — клубок

коьр || киэр — ястреб

соьлиэ — дагестанец

На место плоскостного чеченского «уь» может в ингушском диалекте появляться «о»:

луьйидиг — лорд — лист кукурузной початки

муьлху — моллах — каждый

вуьшта — вошта — этак

г1улг — г1олг — альчик

чуьйна — чуона — чугунный

Могут быть и такие соответствия:

хуьсихуо, — хаьсхуо — сторож на бахчах

суьйриэ — сайриэ — вечер

куьйса — киэса — безволосый

нуьйжа — нажирг — наковальня.

Таких слов мало, приведенное количество даже при тщательных поисках не намного увеличится.

В чеченском литературном языке «уь» может появиться при перегласовках на место «у»:

тур, туьран — шашка, шашки

урс, уьрсан — нож, ножа

бурч, буьрчан — перец, перца

суй, суьйнан — искра, искры

ун, уьнан — болезнь, болезни

юрт (йурт), юьртаң (йуьран) — село, села

шу, шуьнан, — стол, стола.

В некоторых словах в чеченском может и не быть перегласовки «у», как и в ингушском:

шув, шувнаш — склон, склоны

букъ, букъан — спина, спины

Перегласовка «и» в «у» в чеченском:

дитар, дуьту — оставлять, оставляю

дигар, дуьгу — вести, веду

диалар, дуьлу — мыть, мою

дисар, дуьсу — остаться, остаюсь

Все, что сказано было об уменьшении употребления в ингушском диалекте «об», с большим основанием и определенностью можно повторить и об «уь», ибо последний сохранился в ингуш-

ском диалекте только в нескольких словах и то в чередовании с другими звуками.

Но так как в результате объединения бывших Чеченской и Ингушской областей в единую республику устанавливается взаимовлияние чеченской и ингушской речи (причем в первой прочно бытуют «оь» и «уь», второй даже больше, чем первый), так как эти звуки часто встречаются в интернациональной терминологии, прочно усвояемой чеченцами и ингушами, и, наконец, «ю», «ё», обозначающие в русском языке «у», «о» с предшествующим мягким согласным, весьма близки по качеству к «уь, оь», — автор настоящих строк в особых статьях и в докладах на собрании культурных работников в нациздательстве в 1937 году и на собраниях Чечено-Ингушского Научно-Исследовательского Института и Комитета Нового Алфавита в том же году предлагал ввести в ингушской орфографии обозначение этих звуков, как и обозначение назализации и дифтонга «иэ».¹⁾ В связи с реформой чеченской орфографии в 1938 надобность в обозначении в ингушском письме назализации частично, «иэ» полностью разрешены, но вопрос об «оь, уь» актуален и на сегодняшний день.

Ныне, когда в устах многих работников-ингушей мы все чаще и чаще слышим произношение факультативных «оь||иэ» исключительно через «оь»: «оьрсие» — русский, «оьрг» — клубок, «шоьра» — широкий, «пхоьр» — ужин, «доьхаь» — разбитый, «тоьхаь» — ударивший и т. д., когда они все чаще и чаще начинают говорить не «ийла», а «уьйла» — мысль, «уьйчиэ», а не «ийчиэ» — коридор, «коьртиэ», а не «киртиэ» — в головах, — уверенно можно утверждать, что процесс исчезновения из ингушского диалекта «оь, уь», которому содействовала и ингушская орфография, после объединения Чеченской и Ингушской областей не только прекратился, но, наоборот, наблюдается под влиянием чеченского произношения внедрение их в разговорный язык.

Нужно ввести обозначение этих звуков в ингушском письме — и они сами проложат себе широкий путь в ингушскую речь.

Звуки «а» — долгий (а̄), краткий (ӑ) и редуцированный (ə), а также и редуцированный «ə» являются фонемами в ингушском диалекте:

далэр — выходить
далэр — дать умереть
дэлэр — мыть

дар — приносить
дар — имеющийся

ца — зуб
цə — нет, не
дашэр — брить
дашэр — растопляться, таять
магэр — овсяная солома

¹⁾ Собранием научных, литературных и издательских работников это предложение было принято, но оно не было утверждено в законодательном порядке. Соответствующие материалы об этом находятся в архиве комитета Нового Алфавита.

дэр — делать
гар — опоздать
гэр — видеть
кха — надел земли

са — душа, свет
хьа — дай
га — повод, ветка

магэр — мочь
дажэр — пастись
дэжэр — ложиться

кхэ — еще
сэ — мой
хьэ — твой
гэ — семя

«э» в зачине может произноситься как «э || э». В плоскостном чеченском в таких словах в зачине слышится «и» краткое:

в ингушском
эдэр || эдер
эллэр || эллэр
эс || эс

в чеченском
идар — бегать
иллар — лежать
и — он, этот

Такое же явление наблюдаем в ударных слогах с согласными в зачине:

в ингушском
дэгэр || дэгэр
дэлэр || дэлэр
дэтэр || дэтэр
хэлэр || хэлэр

в чеченском
дигар — увести
дилар — мыть
дитар — оставить
хилар — быть, иметь

В этой позиции в чеченском диалекте иногда появляется „а“:

в ингушском
зэз || зэз
сэрглэ || сэрглэ

в чеченском
заз — цвет (цветение)
старгIа — бычок

В односложных словах ингушскому „э“ закономерно соответствует в чеченском „и“ или „е“, склонный к „и“, и редко „а“.

в ингушском

зIэн
сэн
кхэн
IэндоргIа
дэн
хьэн

в чеченском

и
зIен — цепь
е
сан — мой
кхин — еще
IиндагIа — тень
дин — конь
хьан — твой

Из изложенного видно, что в чечено-ингушской письменности буквой «а» обозначается несколько различных фонем.

Чечено-ингушский звук «а» весьма близок ударному «а» русского литературного языка. Правда, чечено-ингушский долгий «а», развивающийся в некоторых суффиксах, количественно больше, он иногда звучит, как дифтонг «аа».

Чечено-ингушский «а» близок к литературному предударному «а», а звук «э» почти совпадает с заударным «а», но, пожалуй, меньше его по количеству, особенно сильно гамзированный. Наконец «э» соответствует русскому редуцированному «и». При этом не следует забывать о гамзе, которая придает специфический оттенок гласным.

Наиболее четко улавливается различие между литературными диалектами вследствие наличия развития «а», которое не свойственно чеченскому, в следующих ингушских суффиксах:

в именительном падеже множ. числа некоторые существительные, оканчивающиеся в единственном на «э», имеют окончание «аш»:

в ингушском	в чеченском	
агэ, ага ^ш	ага, агана ^ш	— колыбель
алчэ, алча ^ш	алаша, алашана ^ш	— мерин
ахчэ, ахча ^ш	ахча, ахчана ^ш	— деньги
тумэ, тумаш	туьма, туьмана ^ш	— туман (десять рублей)
аргIэ, аргIаш	рагI, рагIна ^ш	— скирд, очередь, хребет (горный)
балэ, бала ^ш	бала, балана ^ш	— беда
бадэ, бада ^ш	беда, бедана ^ш	— крыша
лаьчэ, лаьча ^ш	лечи, лечана ^ш	— ястреб

В приведенных примерах «а» развился благодаря выпадению «н», заключенного между двумя «а», вследствие чего произошло стяжение гласных.

И в ингушском диалекте наряду с суффиксом множественности «аш» существуют и другие, в том числе и «наш»:

ариэ	— ариэнаш	— равнина
биэгариз	— биэгаризнаш	— гужевая повинность
глай	— глайнаш	— межа

Суффиксальный «а» долгий, развивающийся путем стяжения двух «а» кратких в связи с выпадением «н», часто наличествует в ингушском диалекте в дательном падеже единственного числа имен, оканчивающихся на согласный в именительном падеже единственного числа:

говр, говра	— лошадь, лошади
нувр, нувра	— седло, седлу

туоп, туопа — ружье, ружью
 глаж, глажа — гусь, гусю
 карт, карта — забор, забору

В существительных, в именительном падеже единственного числа оканчивающихся на «э», в дательном падеже могут быть окончания (факультативно) «анэ» и «эннэ», второе бытует чаще:

вуордэ, вуорданэ || вуордэннэ — арба, арбе
 мазэ, мазанэ || мазэннэ, — связь, связи
 шалтэ, шалтанэ || шалтэннэ — кинжал, кинжалу
 ласэ, ласанэ || ласэннэ — посох, посоху

В родительном падеже единств. числа подобных слов факультативно чередуются окончания «а» и «ээн»:

вуордэ, вуорда || вуордэн — арба, арбы
 шазэ, маза || мазэн — связь, связи
 шалтэ, шалта || шалтэн — кинжал, кинжала
 ласэ, ласа || ласэн — посох, посоха

В дательном падеже множественного числа слова этого типа имеют окончание «ашта» или «ошта», или «эшта»:

вуордэ, вуордаштэ — арба, арбам
 мазэ, мазаштэ — связь, связям
 шалтэ, шалташтэ — кинжал, кинжалам
 ласэ, ласаштэ — посох, посохам
 машэ, моашоштэ — шаль, шалям

При наличии долгого «а» в предшествующем слого в суффиксе появляется «э», при кратком «а» или «э» появляется «а», при лабиализованном — иногда «о»

В плоскостном чеченском диалекте «а» в суффиксах выступают явственно:

1. В направительном падеже «от нас» и направительном падеже «к нам» (длахьяжуорг, схяхьяжуорг):

хьяьнгахья? стиэнгахья? — по направлению к кому? к чему?
 Ахьмадиэхья, Ахмадглаьргахья — по направлению к Ахмеду
 Абуьнгахья, Абуьглаьргахья — по направлению к Абу
 куориэхья, куорашкахья — по направлению к окну, к окнам
 ламангахья, ламнашкахья — по направлению к горе, горам

хъаьнгахъара? стиенгахъара? от кого, от чего (в отношении направления)

Ахьмалиэ̄хъара, Ахьмадг̄аьргахъара — от Ахмеда
Абувгахъара, Абувг̄аьргахъара — от Абу
куориэ̄хъара, куорашкахъара — от окна, от окон
ламангахъара, лаьмнашкахъара — от горы, от гор

Эти формы свойственны и ингушскому.

II. Кроме того, в чеченском диалекте существует деепричастие с окончанием «а», «у», обозначающее продолжительность и непрерывность действия:

лиэлаш, лиэлаш̄ — пребывая
диэзаш, диэзаш̄ — желая
хийзаш, хийзаш̄ — вращаясь
моьлуш, моьлуш̄ — пия
доьшуш, доьшуш̄ — читая
воьдуш, воьдуш̄ — идя
олаш, олуш̄ — говоря
дуьцуш, дуьцуш̄ — рассказывая

У ингушей мало употребительна эта форма. Они больше пользуются простым удвоением деепричастия для выражения продолжительности и непрерывности действия:

вуодэш - вуодэш̄ — идя
диэшэш̄ - диэшэш̄ — читая
оалэш̄ - оалэш̄ — говоря
дувцэш̄ - дувцэш̄ — рассказывая

Последний способ выражения существует и у чеченцев, но они реже прибегают к нему, чем ингуши.

«а» имеется в некоторых глагольных суффиксах обоих литературных диалектов:

в чеченском	в ингушском
вуодахъара	вуодавалар̄ ¹⁾ — да шел бы
туохахъара	туохадалар̄ — да ударил бы
алихъара	аьндалар̄ — да сказал бы

¹⁾ Знаком — мы вынуждены обозначать беглые звуки.

«а» и «ä» в суффиксах в желательном и сослагательном наклонениях в ингушском диалекте чередуются:

настоящее—будущее	прошедшее
оахадалар оахадалар	аьхдалар аьхьадалар
молдалар молдалар	мендалар мендалар
тохадалар тохадалар	тоьхаьдалар тоьхаьдалар
тугадалар тугадалар	тигаьдалар тигаьдалар

В сослагательном наклонении:

прошедшее	будущее
аьхаьдалариз аьхаьдалариз	оахаргдалариз оахаргдалариз
мендалариз мендалариз	маргдалариз маргдалариз
тоьхаьдалариз тоьхаьдалариз	тохаргдалариз тохаргдалариз
тигаьдалариз тигаьдалариз	тугаргдалариз тугаргдалариз

В ингушском диалекте долгим может быть в суффиксах и мягкое „аь“:

в ингушском		в чеченском
прошедш. соверш. время.	причастно-дееприч. форма прошедш. вр.	причастно-дееприч. частн. форма про- шедш. врем. и про- шедш. совер.
аьхаьд	аьхаь	аьхна
дийшаьд	дийшаь	диэшна
тоьхаьд	тоьхаь	тоьхна
лийцаьд	лийцаь	лиэчна

Но в ингушском при наличии «л» в исходе основы в суффиксе сохраняется «н», который ассимилирует предшествующий «л», при этом «а» в суффиксе не смягчается. Он не смягчается также при наличии твердого гласного в ударном слоге:

в ингушском	в чеченском
алар аьннэд, аьнна (э) ¹⁾	аьлла
далар даьннэд, даьнна (э)	даьлла
дахар дахад, даха	дахна
малар меннэд, менна (э)	мелла
дуолар доьннэд, доьнна (э)	доьлла

1) Конечное а может произноситься и как „э“.

На месте ингушского краткого «а/ə», в окончании причастно-деепричастн. форме прошедш. времени в чеченском имеем «а».

Редуцированное ингушское «ə» в большинстве случаев в чеченском склонен к краткому «а», но оттенки эти так тонки и в количестве своем они так неустойчивы, что трудно различать эти вариации даже привычному уху, например:

вахар	вахэр — итти
малар	малэр — пить
вуожар	вуожэр — упасть

В плоскостном чеченском диалекте нет долгого „а̄“. Ингушскому „а̄“ закономерно соответствует в чеченском „э̄“¹):

в ингушском	в чеченском
а̄кха	э̄кха — зверь
а̄кхиэ	э̄кхиэ — охота
а̄ла	э̄ла — князь
да̄ла	дэ̄ла — бог
да̄ра	дэ̄ра — свирепый

На месте перегласовки в ингушском „а̄“ в „а̄“ в плоскостном чеченском находим перегласовку в „э̄“:

в ингушском	в чеченском
да, да̄на	дэ̄нан — отец, отца
на̄на, на̄на	нэ̄нан — мать, матери
да̄к̄а, да̄к̄а	дэ̄к̄ан — доля, доли
ма̄ха, ма̄ха	мэ̄хан — игла, иглы

Только чеченскому диалекту присущи краткие дифтонги „эв“ и „ав“:

в чеченском	в ингушском
дов, дэвна	дов, довна
ков, кэвна	ков, ковна
кховсар, кхэвсина	кховсар, кхэйса
ловзар, дэвзина	ловзар, лэйза
бав, ба̄внан	влов, вловна
жов, жа̄внан	жлов, жловна
хьовсар, хьавсина	хьажар, хьажа.

¹ В практической орфографии „э̄“ после согласных обозначается через „э“

Из остальных гласных наибольшее количество расхождений имеем в дифтонгах «оа», «уй».

Дифтонг «оа» имеется в ингушской речи не только в корнях слов, но и в перегласовках и суффиксах. В чеченском «оа» бытует только в отдельных корнях и перегласовках в нескольких глаголах:

кӀоаргу — глубокий, от кӀаг — яма
Оаргу — Аргун
воарта — шея
коаржам — кусок
доаккху — извлекающий, извлекая, извлекаяю
доаккхан — большой
доахку — пребываем, дуохку — кладутся, кладем
доалу — выходящий, долу — сущий, имеющийся.

Из этих немногочисленных примеров видно, что звук «оа» не только имеется в немногих словах чеченского плоскостного диалекта, но он должен быть рассматриваем, как фонема. Однако, наличие «оа» только в немногочисленных словах делает обозначение его в чеченском письме излишним. Ни Услар, ни Эльдерханов, ни другие дореволюционные авторы не фиксируют этот дифтонг. В практической чеченской орфографии он никогда не обозначался и не обозначается.

Частота встречаемости во всякой позиции и зависимость социального значения слова от него делают для ингушского письма необходимым обозначение «оа» не только в фонетической транскрипции, но и в практическом письме.

Самым трудным пунктом на пути согласования и приведения к единству чеченской и ингушской орфографии нам представляется именно безусловная необходимость обозначения дифтонга «оа» для ингушского письма и ненужность — для чеченского.

Даже введение обозначения дифтонга «оа» в чеченском письме там, где он слышится в живой речи, разрешает проблему только частично.

В ингушском диалекте дифтонг «оа» может быть в корнях слов: «Доахан» — скот, «бӀоагӀа» — столб, «чӀоагӀа» — крепкий, «тоам» — мир, приличие, «тоа» — годовалый баран, «кхоана» — завтра, «кхоачам» — довольство, «моажа» — желтый, «моастагӀ» — враг, «моартхал» — свод, «моака» — барда, «моакха» — светло-коричневый, «лоа» — снег, «лоамаруо» — горец, «лоарӀам» — счет, количество, уважение и пр.

В суффиксах «оа» может быть в дательном падеже единственного числа самостоятельных прилагательных и причастий, а также и существительных, склоняющихся по типу прилагательных.

Окончание последних «чоа» употребляется факультативно с «чунна», совпадающим с чеченским. Оба они одинаково часты и на равных правах бытуют в речи ингуша:

в ингушском диалекте	в чеченском диалекте
дикачоа, дикачунна	дикачунна — хорошему
вуодачоа, вудачунна	вуодачунна — идущему
вуочоа, вуочунна	вуочунна — плохому
лиэкхачоа, лиэкхачунна	лиэкхачунна — высокому
кѳуонахчоа, кѳуонахчунна	кѳуонахчунна — мужчине
хІириэчоа, хІириэчунна	хІириэчунна — осетину
болхалуочоа, болхалуочунна	белхалуочунна — рабочему

Корневое «а» в ингушском в глаголах при перегласовках переходит в «оа»:

I. Изъвительное наклонение

настоящее простое:

оах — пашет; оал — говорит; оахий? — пашет? оалий — говорит?

прошедшее многократное:

оахар — пахивал; оахарий? — пахивал?

оалар — говаривал; оаларий? — говаривал?

будущее простое:

оахар ас — вспашу я, оахаргда — вспашу, оахаргдац — не вспашу, оахаргдий? — вспашешь? оахаргдиэций? — не вспашешь?

II. Повелительное наклонение (безличное)

оахалда — да вспашут; ма оахалда — да не вспашут.

III. Условное наклонение

настоящее: оахиэ — если вспашешь, ца оахиэ — если не вспашешь;

будущее: оахаргдалтиэ — если будешь пахать, оахаргдиэциэ — если не будешь пахать.

IV. Сослагательное наклонение

настоящее—будущее:

оахариз — если бы пахал; ца оахариз — если бы не пахал;

будущее: оахаргдалариз — если бы в будущем вспахал бы, оахаргдиэцариз — если бы в будущем не вспахал бы.

V. Желательное наклонение:

оахадалар — да пахал бы, ма оахадалар — да не пахал бы.

VI. Именное наклонение:

настоящее

оахалга — все условия для пашни, ца оахалга — условия для не производства пашни.

будущее: оахаргдолга — что вспашу, оахаргдоащалга — что не вспашу.

VII. Причастие настоящ. времени:

оахар — пашущий; ца оахар — не пашущий,
оахарг — пашущий; ца оахарг — не пашущий.

VIII. Местные формы
настоящ. время:

оахачу, оахучура, ца оахачу, ца оахучура, оахачу гIолла, оахачура и т. д. — где пашут; откуда пашут; где не пашут; откуда не пашут; по тому месту, где пашут; (из) где пашут и т. д.;

будущее время:

оахаргдолчу, оахаргдолчура, оахаргдолчугIолла, оахаргдолчунца, оахаргдолчунцара и т. д. — где будут пахать, откуда будут пахать, по тому месту, где будут пахать, с тем, кто будет пахать.

IX. Деепричастие настоящ. время:

оахаш — паша, ца оахаш — не паша.

X. Описат. формы
равняющая:

ма оахха, — сколько сможет пахать;
совместная:

оахушехь — хотя пахал, пашу.

Корневому ингушскому «оа» могут соответствовать в чеченском литературном а, а, аь, уо (о):

доагIа, догIу — прихожу

бIоагIа, бIогIум — столб

доахан, даьхни — скот

боахам, бахам — имущество

оаш, аш — вы

боагIа богIу — приходят, приходит.

Влияние чеченского произношения на ингушей, работающих в госиздательстве и проживающих по несколько лет в Грозном или в чеченских районах, настолько сильно, что на их «ингушское» произношение никак нельзя положиться, например, перегласовка «а», в «аь» в их произношении уже неустойчива, она звучит как «е», т. е. как в чеченском:

на̄нэ̄ н̄ена̄ — а не на̄ьна̄ — мать, матери

да̄к̄ъа̄ де̄к̄ъа̄ — „ да̄ьк̄ъа̄ — часть, части

а̄лар̄ е̄лар̄ — „ а̄ьлар̄ — сказать, сказал

Iа̄са̄ Iе̄сан̄ — „ Iа̄ьсан̄ — теленок, теленка

Даже такой специфический ингушский дифтонг, как «оа» (специфически ингушским мы его называли потому, что он редко

звучит в речи чеченца, а в речи ингуша звучит очень часто и обычно ясно) произносится, как «о», «уо», иногда, как «а»:

оаш	аш ош	— вы, вами
оарц	орц	— караул
оалаш	уолуш олаш	— говоря
воакха	вуоккха	— большой, старый

В ингушском диалекте дифтонг «уй» имеется:

I — всего в нескольких существительных именительного падежа множественного числа, в единственном числе, оканчивающихся на «у» и в 2-х существительных единственного числа именительного падежа, II-й — в вопросительной форме слов, оканчивающихся в положительном обороте на «у», «ув»:

I. Къу, къуй — вор, воры,

Іу, Іуй — пастух, пастухи

Пхъуй — Пуй (название одного из горных аулов)

у, уй — доска, доски.

II. Лув, луй? — говорит, говорит?

дув, дуй? — сеет, сеет?

кхув, кхуй? — мужает, растет, мужает?

хъув, хъуй? — мнет, мнет?

цу, цуй? — жареная кукурузная мука, жареная кукурузная мука?

бун, буйн? — шалаш, шалаш?

гІун, гІуйн? — колодец, колодец?

фу, фуй? — воздух, воздух?

Бурув, Буруй? — гор. Орджоникидзе, Орджоникидзе (о городе)?

Дифтонг «уй» значительно больше бытует в чеченском диалекте, ему в ингушском обычно соответствует «ий» или «ув»:

в чеченском

буй
дуй
гуй
нуй
туй
хлуй

в ингушском

бий — кулак
дув — клятва
гий — деревянное блюдо
нув — веник
туг — плевков
вий — проклятие

Из остальных моментов расхождений считаем нужным упомянуть:

1) о регрессивной ассимиляции в глагольных формах с «л» в исходе основы в ингушском, при наличии прогрессивной ассимиляции в чеченском и в отсутствии ассимиляции в ауховском диалекте:

чеченский	ингушский	ауховский
аьлла	аьнна	аьлна — сказанное, сказавший, сказав
даьлла	даьнна	даьлна — вышедший, выйдя
лиэлла	линна	лиэлна — шедший, идя
мелла	менна	мелна — выпивший, выпитый, выпив
тилла	тинна	тилна — заблудившийся, заблудившись

Долгое «л» в исходе основы сохраняется во всех трех диалектах:

обллина, обллаь — повешенный, повесив
 доьллина, доьллаь — воткнутой, воткнув
 даьллина, даьллаь — пребывавший, пребывав.

Наконец, только ингушскому диалекту свойственно употребление губо-зубного фрикативного глухого согласного «ф».

Услар не без основания полагал, что он привился ингушской речи под осетинским влиянием.

Слов с «ф» в ингушском не так много, разумеется, если не считать усвоенных из русского языка. В словаре З. Мальсагова таких всего 31 слово. Вряд ли их вообще больше. Все они, видимо, усвоены из арабского, иранского и тюркского языков:

фаз — феска
 фана — бранный
 фурулла — гурия
 фос — добыча
 фост — тавро
 фата — барабан
 фатанча — барабанщик и т. д.

Звук «ф» встречаем только в зачине. Чеченским диалектам, даже горным, он чужд, чужд также ауховскому, его нет и в бацбийском. Непривычное чеченское ухо его не улавливает.

Чеченские муллы, несмотря на свой «священный трепет» перед всяким искажением текстов корана, произносят арабское «ф», как «п»:

наффасати — наппасати
 филлукъади — пиллукъади
 фисадуринаси — писадуринаси
 фи лейла — пи лейла.

Арабские слова «фаидат» — польза, фурулла — гурия, фана — бранный — чеченцы усвоили согласно своим нормам: пайда, хурулла, пена и т. д. Даже ингуши под влиянием чеченских мулл говорят «пайда», но «фурулла и фана» произносят с «ф».

Во всех словах, усвоенных из русского, «ф» в чеченском народном языке заменялся преимущественно через «п», но возможны замены через «хI» и даже «х»:

фамилия	—	памили
фонарь	—	панар
физика	—	пизика
фронт	—	хIронт
форма	—	хорма

Ингушскому «ф» в плоскостном чеченском диалекте соответствуют «в» или «хI»:

ингушск.	чеченск.
форд	хIорд — море
фоарт,	ворту — шея

В одном слове имеем перебой «ф-м»: Фарта — Марта — Фартанга.

Звук «ф» не убывающий, наоборот, он широко прокладывает себе путь в язык всей Чечено-Ингушии. Теперь даже среди остальных слоев населения Чечни все реже и реже встречаешь людей, говорящих: памили, панарь, хорма.

В самых отдаленных уголках Чечни в дни бело-финской провоза крестьянин редко говорил «пинлянд», а — «финлянд»; говорят «факт ю им» — «это-то факт», «Фургонаш атта ю» — фургоны легки (в работе). Говорят портфель, физика, физкультура, Филипп.

В алфавите Услара, Эльдерханова и в арабизированном чеченском алфавите не было буквы «ф». Но в латинизированном чеченском алфавите она имела и имеется в современном чеченском алфавите на русской основе.

В ингушском диалекте сочетания «лг, рг, хк, шк и звук г» в исходе мягки. Исключения очень немногочисленны («бохк» — подпруга, «барг» — копыто), тогда как в чеченском они обычно тверды.

Одним из существенных расхождений между литературными диалектами следует считать наличие сочетания «ст» в зачине в некоторых говорах плоскостной Чечни и в литературной речи, тогда как в ингушском диалекте его нет. В чеченском — «сту», в ингушском — «уст», в шароевском — «усту» — бык.

В чеченской речи, даже в речи плоскостной Чечни, сочетание «ст» неустойчиво, могут быть «ст — с — т»:

в говорах плоскостной Чечни			в ингушском диалекте	
сту	ту	су	уст	— бык
стаг	таг	саг	саг	— человек
стуом	туом	суом	суом	— плод
стигал	тигал	сигал	сигал	— небо

Б) МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ

Переходя к морфологии литературных диалектов, надо заметить, что преимущественное большинство расхождений в ней вытекает из различий фонетических, о которых мы уже говорили.

Прежде всего обращает внимание наличие грамматических форм, свойственных только плоскостному чеченскому или только ингушскому диалекту.

1. В плоскостном чеченском имеется «прошедшее недавнее время — хинца яхна ха»:

Суо балха вахан — я только что поступил на работу.

Аса книшка йийшин — я только что прочитал книгу.

Суна накъост вайн — я только что товарища увидел.

В изъявительном наклонении ингушского диалекта нет этой формы, ей соответствует выражение, состоящее из наречий «хланз — только что» и глагола в прошедшем совершенном времени:

Суо хланз балха вахар — я только что поступил на работу.

Ас хланз книшка дийшар — я только что книгу прочитал.

Суона хланз новкъост вайр — я только что товарища увидел.

В «описательной форме» это время бытует в обоих литературных диалектах одинаково:

Суо балха ма ваххан — как только я на работу пошел.

Ас книшка ма йийшин (дийшан) — как только я книгу прочитал.

Суна накъост (новкъост) ма вайн — как только я товарища увидел.

Понимание формы «чеченского прошедшего недавнего» вполне доступно для ингушей и принятие ее к употреблению в литературе не вызовет для них больших затруднений.

2. Чрезвычайно широко бытует в плоскостном чеченском форма прилагательных с суффиксом «ниг». Суффикс «ниг» образует самостоятельное прилагательное (субстантивированное), которое никогда не может быть приименным, атрибутивным. Образуется оно из существительного + «ниг» или прилагательного + «ниг»:

Эчиканиг тоьлу — железный (ая, ое) лучше

цййнаниг ду и — это домашний (яя, ее)

Тхайниг диеза суна — мне нужно наш (а, е)

Дикиниг доьшу аса — хороший (ую, ее) читаю я

Вуониг диеза цунга — плохое (беда) пришло к нему.

В ингушском диалекте форма прилагательного на «ниг», образованная от существительного, может быть передана существительным в родительном падеже + причастие от вспомогательного глагола «хилар», а форма на «ниг», образованная от прилагательного, — через прилагательное + то же самое причастие:

Аьшкадар тол — железный (ая, ое) лучше
Циэндар да ис — это домашнее
Тхойдар диэза суона — наше нужно мне
Дикадар диэш ас — хороший (ая, ее) читаю я
Буодар диэнад цунга — плохое (беда) пришло к нему.

3. Наконец, плоскостному чеченскому наречию свойственны равняющий и предельный падежи.

Равняющий:

Хлара цла бунулла ду — этот дом с балаган (величиною)¹⁾
Хлара жлалэш берзлуойлла ду — эти собаки с волков (величиною).

Предельный:

Хлара мохк тхан бу ламаниэц — эта земля наша до горы.
Юрташ яхкана ламанашкац — селения основаны (на протяжении) до гор.

Хиэц — до воды; цлариэц — до огня; хьуниэц — до леса.

Содержание этих выражений ингуш передает более пространно:

Йе цла бун мисселла да — этот дом (столько сколько) с балаган

Йе жлалэш борзлой мисселла да — эти собаки (столько, сколько) с волков

Йера мохк тхан ба лоамашка кхаччалца — эта земля наша до гор (пока дойдет).

Иш юрташ яхкаьй лоамашка кхаччалца — эти селения основаны до гор.

Хига кхаччалца — до воды, цлерга кхаччалца — до огня, хьунга кхаччалца — до леса.

Таким образом чеченскому равняющему падежу соответствует в ингушском именительный падеж + наречие «мисселла», а предельному — обращающий + предельный падеж от инфинитива «кхаччан» — достигать — «кхаччалца». В ингушском, как и в чеченском, сохранились две формы от склонявшегося некогда инфинитива — в равняющем и достигательном падеже:

харцалла — ровно такой, чтобы перевернуться
ваххалла — ровно такой, чтобы быть в состоянии пойти
харцалца — пока не перевернусь (ешь, ется)
ваххалца — пока не пойду (ешь, ет).

Очевидны все преимущества приведенных грамматических форм плоскостного чеченского диалекта, заключающиеся в лаконичности,

¹⁾ Этот и другие примеры данного параграфа взяты из монографии „Чеченский язык“ П. К. Услара.

большой четкости, определенности и выразительности. Вместе с тем, по аналогии первого с широко употребляющимся в ингушском диалекте наречием — «мисселла», в котором ясно раскрывается морфема равняющегося падежа, и второго с широкобытующими и в ингушском языке формой от инфинитива в достигательном падеже, — эти особенности чеченского плоскостного наречия понимаются и легко усваиваются ингушами.

В свою очередь в ингушском диалекте имеются грамматические формы, отсутствующие в чеченском литературном:

1) сравнительная и превосходная степень прилагательных:

Ингуши говорят:

дика говр — хорошая лошадь, диках говр — лучшая лошадь;

еггир диках говр — самая лучшая лошадь;

лакха цIа — высокий дом; лекхах цIа — высший дом;

еггир лекхах цIа — самый высший (высокий) дом.

В литературном чеченском языке положительную и превосходную степень выразят так:

дика говр — хорошая лошадь, уггур дика говр — самая хорошая лошадь.

лекха цIа — высокий дом, уггар лекха цIа — самый высокий дом.

Для того, чтобы выразить сравнительную степень, плоскостные чеченцы должны употреблять целые предложения:

ХIара говр цул дика йу — эта лошадь той (чем та) хорошая есть;

хIара цIа цул лекха ду — этот дом того (чем тот) выше есть.

В разговорной речи плоскостной Чечни редко, но употребляется сравнительная степень прилагательных:

Тхан жимхаверг ву и — это наш младший (который моложе).

Вокхахниг доьшуш ву тхан — наш старший (который старше) учится.

2) Плоскостной чеченский диалект в значительной мере утратил уменьшительную форму существительных, хотя в нем имеется довольно большая группа слов с суффиксом уменьшительности, но уменьшительное значение их осознается слабо; сознательное употребление слов в форме уменьшительности отсутствует, несмотря на то, что существует два ряда слов с суффиксом уменьшительности и без него:

хIума — вещь хIумалг — вещица

тIа — рука тIелг — палец

бIа — глаз (в выражениях бIа тесна — мигнул; бIа сийна Терк — на глаз синий Терек) — бIаьрг — глаз

Ла — ухо, (ла дувIа — подыми ухо, т. е. послушай) лерг — ухо и т. д.

Форма уменьшительности широко употребляется в речи ингуша с оттенками ласкательности, презрительности, пренебрежительности. Ее может иметь любое существительное:

цIа	— дом	цIалг	— домик
говр	— лошадь	говрг	— лошадка
кIант	— молодец	кIаьнк	— мальчик
йоI	— девушка	йиIиг	— девочка
гали	— мешок	галиг	— мешочек
мух	— ветер	мухилг	— ветерок
кад	— чаша, чашка	кадакIиг	— чашечка
куотам	— курица	куотанг	— курочка

В уменьшительной форме могут быть также прилагательные и причастия:

дика	— дикавар	дикаварг	— хороший
вуон	— вуовар	вуоварг	— плохой
лекха	— лекхавар	лекхаварг	— высокий
вуода	— вуодар	вуодарг	— идущий
диэша	— диэшар	диэшарг	— читающий
язду	— яздер	яздерг	— пишущий

Изложенными пунктами исчерпываются расхождения в грамматических категориях литературных диалектов. Приведенные описания и сопоставления нам кажутся достаточными для следующих выводов:

- 1) все эти формы совершенно необходимы для литературного языка;
- 2) все они пережиточно имеют употребление и в том диалекте, в котором при поверхностном знакомстве кажется, что некоторые из них утрачены;
- 3) взаимное усвоение этих грамматических форм не представляет сколько-нибудь существенных затруднений.

Начальные формы глаголов (формы масдара и инфинитива) и прилагательных обычно совпадают. Вообще в начальной форме лексика чеченцев и ингушей более близка, чем в производных, вот почему морфологическо-фонетический принцип орфографии следует настойчиво проводить при установлении орфографических норм.

На примере глагола это положение наиболее ярко иллюстрируется:

чеченские		ингушские	
масдар	инфинитив	масдар	инфинитив
агар	аган	агэр	агэн — качаться
алар	алан	алэр	алээн — говорить
ахкар	ахкан	ахкэр	ахкэн — рить

кха̄бар	кха̄бан	кха̄бар	кха̄бан — кормить
да̄жар	да̄жан	да̄жэр	да̄жэн — пастись

Подобного типа глаголов с корневым «а» насчитывается до 70, начальная форма их совпадает целиком (мы уже говорили, что различие между «а» и «э» трудно уловить даже привычному уху).

Большую группу составляют глаголы с корневым кратким «а».

та̄рсар	та̄рсан — ржать
ах̄бар	ах̄бан — молоть
ла̄стар	ла̄стан — махнуть

Подобных глаголов также около 70.

Из общего количества глаголов с корневым долгим или кратким «а» только в 5 глаголах находим существенные расхождения:

в чеченском	в ингушском
ай'эр ай'эн	ай̄вэр ай̄ван — поднять
вай'эр вай'эн	ва̄оавэр ва̄овэн — потерять
ла'эр ла'эн	ла̄р ла̄н — желать
ха'эр ха'эн	ха̄р ха̄н — узнать
да'эр да'эн	да̄'эр да̄'эн — кушать

Классные элементы подчеркнуты.

В ингушском диалекте глаголы: ай̄вар, ва̄овар — сложные. Каждый из них состоит из 2-х глаголов основных: — «ай, вай» и вспомогательного «дар — делать». Классные элементы в обоих компонентах сложного глагола. Между компонентами сложных глаголов могут быть включены другие слова:

ай а да̄в	— и подняв
воа а ва̄в	— и потеряв
да̄вдий х̄ох Ia ис ай?	— поднял ли ты это?
да̄вдий х̄ох Ia ис доа?	— потерял ли ты это?

В чеченском диалекте эта сложная структура уже утрачена, оба компонента сложного глагола слились в органически целое. Классный элемент 2-го компонента утрачен. В глаголах «лар» и «х̄ар» в ингушском диалекте утрачена гамза перед гласным «э» второго слога, вследствие чего произошло стяжение гласных. В глаголе «да'эр» в ингушском диалекте гамза слабая.

Глаголов с кратким «и» в чеченском, редуцированным «э» в ингушском 17. Все различие в их начальной форме заключается в

большой редукции корневой гласной в ингушском. Глаголы эти типа «идар—эдэр» — бегать, «дитар—дэтэр» — оставить, «ди-жар—дэжэр» — лечь. Из них только глагол «Иллар» — лежать выделяется тем, что в ингушском он утратил «I» — «эллэр».

В следующей группе 20 глаголам с корневым «ий» в чеченском противостоят глаголы с корневым «ув» в ингушском:

чеченск.	ингушск.	
дийсар	дувцэр	— говорить
ийдар	Iувдэр	— сжимать, выжимать
лийсар	лувсэр	— просеивать
кхийсар	кхувсэр	— бросать
цийзар	цIувзэр	— визжать

Строго говоря, эта группа глаголов не есть начальная форма глаголов, а производная, именно — многократный вид глаголов:

однократн. вид в чеченск. и ингушск.	многократный вид	
	в чеченск.	в ингушск.
Iовдар	Ийдар	Iувдэр
ловсар	лийсар	лувсэр
кховсар	кхийсар	кхувсэр
цIовзар	цийзар	цIувзэр

но некоторые глаголы, как «дувцар», не имеют соответствующего однократного вида.

Большая группа глаголов, свыше 90, с корневым «из» также имеет целиком единую начальную форму в обоих диалектах.

Таким образом, сравнив чеченские и ингушские глаголы в их начальной форме, мы убедились в близости их. Это явление тем более поразительно, что при сравнении их производных форм мы далеко не наблюдаем такой близости. Те очень редкие и незначительные отклонения, которые приведены были выше, объясняются фонетическими законами, о которых мы писали.

Размеры и задачи данной работы не позволяют нам с такой же подробностью проанализировать начальные формы остальных частей речи. Несомненно, однако, что большее сходство начальных форм, нежели производных, относится не только к глаголам, но и к прочим частям речи.

Чечено-ингушский язык не знает ни одного глагола, который не изменял бы корневой гласной при образовании производных форм, при этом подобным изменениям обычно присуща стройная закономерность. Изменение корневых гласных — явление морфологическое, и это не случайно, его определяет обилие производных форм от масдара.

Перегласовка корневых гласных, как форма словообразования, наблюдается в чеченском диалекте и в существительных: в ингушском «Iгулакх» — дело, и «Iгулакх» — вежливость.

Дика ггулакх даьд Ia — хорошее дело ты сделал.

Дика ггулакх доал цох — у него хороший нрав.

Ггулакх да цун — у него дело.

Ггулакхаца ва ис — он вежлив.

Таким образом слово «ггулакх» употребляется ингушами в двух значениях — в значении дела и — вежливости.

В чеченском имеем два слова для обозначения этих понятий: «ггиллакх» — вежливость, предупредительность («Дика ггиллакх долаш ву и» — он вежлив, услужлив и «ггуллакх» — дело, «Дика ггуллакх ду и» — это хорошее дело).

Или в чеченском:

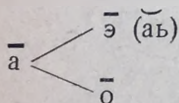
гговгIa — шум

ггайгIa — печаль, тоска.

В ингушском же слово «ггайгIa» имеет только одно значение — тоска, печаль.

Приводим таблицу возможных перегласовок при образовании глагольных форм в литературных диалектах:

в чеченском

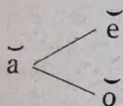

ахар — пахать

оху

эхира

аьхна

малар

молу

мелира

мэлла²

и (ий) → уь

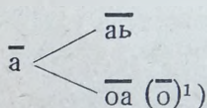
изар (ийзар)

уьзу

изира

изина

в ингушском

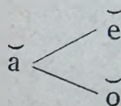

ахэр — пахать

оах — пашу

аьхэр — пахал

аьхаь — вспахав, вспаханный, вспахавший

малэр — пить

мол

мелэр

менна

ув → ий

увзэр

увз

изэр

изаь

1) „о“ иногда произносят вместо оа в повелительных глаголах под влиянием чеченского произношения.

2) В практической орфографии „э“ после согласных обозначается через „е“.

й → уь.¹⁾

дигар
дуйгу
дигира
дигина

иэ $\begin{cases} \text{ий} \\ \text{об} \end{cases}$

иэцар
обцу
ийцира
иэцна

иэ $\begin{cases} \text{и} \\ \text{об} \end{cases}$

диэрзар
доьрзу
дирзира
дирзина

уо $\begin{cases} \text{уь (об)} \\ \text{у} \end{cases}$

уозар

узу
уьзира
обзна

уо $\begin{cases} \text{об} \\ \text{у} \end{cases}$

э → у

дэгэр — вести
дуг
дэгэр
дэгаь

ие → ий

иэцэр — покупать
иэц
ийцэр
ийцаь

иэ → и

диэрзэр — повернуться
диэрз
дирзэр
дирзаь

уо → об (иэ)

уозэр — тянуть (однократный вид)

уоз
обзэр || иэзэр
обзаь || иэзаь

уо $\begin{cases} \text{об (иэ)} \\ \text{о} \end{cases}$

¹⁾ Точка над „и“ и „у“ обозначает краткость слоговых „и“, „у“.

дуохкар
 духку
доьхкира
доьхкина
у (у^в) → ӯь
духар
 духу
дуьхира
 дуьхина
у → ӯь
дузар
 дузу
дуьзира
 дуьзина
ов (ав) → э̄в
кьовлар
кьовлу
кьэвлира
кьэвлина
ов → а̄ьв
хьовзар
хьовзу
хьовзира
хьявзина

дуохкэр — продать
 дохк
доьхкэр || диэхкэр
доьхка̄ь || диэхка̄ь
у (у^в) → (ий)
духэр — одевать
 дух
дийхэр
 дийха̄ь
э → ӯ
дэзэр — наполнять
 дуз
дэзэр
 дэза̄ь
ов → э̄й
кьовлэр — замыкать, завязыв-
 вать, укреплять
кьовл
кьэйлэр
кьэйла̄ь
ов—ай || э̄й
хьовзэр
хьовз
хьайзэр || хьэйзэр
хьайза̄ь || хьэйза̄ь

В глагольных окончаниях литературных диалектов имеются следующие параллели и расхождения:

Масдар.

чеченск.	ингушск.
диэшар	диэшэр — учиться
ахар	ахэр — пахать
малар	малэр — пить
ийзар	увзэр — потягивать
дигар	дэгэр — увести
иэцар	иэцэр — купить

«Масдар» в чеченском имеет окончание «ар», в котором «а»

настолько кратко, что может быть принято за «э», в ингушском он (масдар) оканчивается на «эр».

Инфинитив в обоих диалектах имеет окончание «ан», ийтан, причем в ингушском назализация слабей и «ан» может произноситься, как «эн».

Окончание «ийтан» бывает только в понудительном обороте (в обоих диалектах):

Инфинитив:		Понудительный оборот:	
ахан	пахать	ахийтан —	позволять или понуждать пахать
малан	пить	малийтан —	позволять или понуждать пить
ийзан	потягивать	ийзийтан —	" протягивать
диган	увести	дигийтан —	" тянуть
иэцан	купить	иэцийтан —	" купить
диэрзан	повернуться	диэрзийтан —	" повернуться
уозан	тянуть	уозийтан —	" тянуть
дуохкан	продавать	дуохкийтан —	" продать
дувхан	одевать	дувхийтан —	" одевать
дувзан	связывать	дувзийтан —	" связывать
кьовлан	укреплять	кьовлийтан —	" укреплять
	запирать		" запирать

Изъявительное наклонение.

Настоящее простое

чеченск.	ингушск.
воьду	вуода — иду
диэза	диэза — люблю
оху	оах — пашу
молу	мол — пью
уьйзу	увдз — тяну (многократный вид)
дугу	дуг — веду
оьцу	иэц — покупаю
доьрзу	диэрдз — поворачиваюсь
узу	уодз — тяну (однократный вид)
ду ^х ку	дохк — продаю
духу	дух — одеваю
дузу	дудз — наполняю
кьовлу	кьовл — укрепляю
доь	дув — сею

Из приведенных примеров видно, что главное различие в суффиксах заключается в усечении окончаний в ингушском диалекте, в связи с чем происходит уменьшение в количестве корневых гласных и утрата ими, в некоторых случаях, лабиализации.

В глаголах настоящего времени изъявительного наклонения могут быть окончания в чеченском: «у, а, ов, об, оу о, (уо);

в ингушском: «а, у, ув, ов» и нолевое окончание. Подавляющее большинство глаголов в чеченском оканчивается на «у» и «а», причем на «у» оканчиваются глаголы с лабиализованным гласным в предшествующем исходному слоге, а на «а» прочие дву- и более сложные в настоящем времени глаголы. Во всех этих глаголах в ингушском диалекте обычно нолевое окончание.

Благодаря этому, согласный перед выпавшим гласным (окончанием) оказывается в исходе предшествующего слога, тем самым превращает его в закрытый. Согласно фонетическому закону чечено-ингушского языка долгий гласный открытого слога, попадая в позицию закрытого, теряет свою долготу, таким образом, происходит утрата долготы гласного ударного слога. Так как чечено-ингушские глаголы в громадном большинстве двусложны, то в настоящем времени, благодаря усечению гласного (окончания) в ингушском диалекте они становятся односложными с согласными в исходе и кратким гласным корня, тогда как в чеченском диалекте глаголы остаются двусложными, корневые гласные их не изменяются количественно:

в чеченском		в ингушском	
да́жар	— де́жа	дадж	— пасусь
ла́рар	— ло́ру	лоарI	— считаю
та́кхар	— те́кха	текх	— ползу

Небольшое количество односложных глаголов с кратким «иэ» в корне масдара имеет в настоящем времени изъявительного наклонения в исходе в чеченском «оь», а в ингушском «ув»:

диэ́р	до́ь	дув — убить
иэ́р	о́ь	ув — смешиваться
лиэ́р	ло́ь	лув — говорит

Таких всего 5 глаголов.

Трехсложные глаголы (понудительные) с «и» во втором слоге в чеченском диалекте имеют в настоящем времени окончания «уьйту», а в ингушском «ийт»:

а́лийтар	олу́ьйту	оалийт о́лийт
а́хийтар	оху́ьйту	оахийт о́хийт
иэ́цийтар	оьцу́ьйту	иэцийт
кхиэ́хкийтар	кхоьхку́ьйту	кхиэхкийт

Окончание „ов“ одинаковы в обоих диалектах:

до́вр	дов	дов — терять
та́р	тов	тов — желать
ла́р	лов	лов — терпеть

В нескольких односложных глаголах может быть в чеченском диалекте окончание «о», в ингушском «у»:

да́лар ¹⁾	ло	лу — давать
да́р	до	ду — делать
га́р	го	гу — видать

Незначительное количество глаголов в чеченском диалекте имеют в окончании гамзированное «э», «у», а в ингушском «э» или «ов» (последний в сочетании с предшествующим согласным):

в чеченском		в ингушском	
да'эр	до'у	да'эр ду'э	— кушать
ха'эр	хьа'э	хар хов	— знать
хьа'эр	хьа'э	хьа'эр хьа'э	— очиститься от мути
ла'эр	ла'э	лар лов	— желать

В чеченском прошедшее повествовательное оканчивается на «на», за исключением глаголов с «л» в исходе основы. В последнем случае происходит регрессивная ассимиляция, в результате чего появляется окончание «ла» вместо «на». В ингушском обычно «аьд, ад» (д — классный элемент):

в чеченском		в ингушском	
диэшна		дийшаьд	— читал
дахна		дахад	— пошел
аьлла		аьннад	— сказал
дийцина		дийцаьд	— рассказал
лелла		линнад	— ходил
дина		даьд	— делал

В ингушском диалекте видим, что в классных глаголах в этом времени классный элемент и в исходе и в зачине, тогда как в чеченском только в зачине. Анализируя ингушскую форму, нетрудно установить, что генезис ее «диэшна ду → дийшаь дэ → дийшаьд». В ингушском диалекте глаголы «повествовательного времени» имеют в окончании твердое «а» после слогов с твердым гласным или после двойных согласных.

Прошедшее совершенное в чеченском имеет окончание «ира», в ингушском «эр»:

чеченское	ингушское
дийши́ра	дийшэр — прочитал
эхи́ра	аьхэр — вспахал
эли́ра	аьлэр — сказал
дийци́ра	дийцэр — рассказал
лийли́ра	лийлэр — ходил
ди́ра	дэр дир — сделал

¹⁾ Состоит из приставки «да» и глагола «лар». В настоящее время без приставки в форме масдара и инфинитива не употребляется.

В формативе этого времени в ингушском диалекте выпал конечный гласный «а».

Прошедшее предварительное в чеченском оканчивается на «ура» после слогов с лабиализованными гласными, а после слогов с мягкими гласными на «ира», в ингушском на «арә»:

до̄ш ^а ура	дӣэш ^а арә — читал (читывал)
о ^а хура	оа ^а харә — пахал (пахивал)
о ^а лура	оа ^а ларә — сказывал
дӯй ^а цура	дӯв ^а царә — рассказывал
лӣэ ^а лара	лӣэ ^а ларә — хаживал

Давно прошедшее имеет в чеченском окончание „нӣэра“ в ингушском „а̄ьдара (адара)“, при этом „д“ классный элемент:

дӣэш ^а нӣэра	дӣйша̄ьдара — было прочитал
а̄ьх ^а нӣэра	а̄ьха̄ьдара — было вспахал
а̄ьлӣэра	а̄ьнна̄ьдара — было сказал
дӣйцӣнӣэра	дӣйца̄ьдара — было рассказал

Нетрудно установить развитие этих форм: в чеченском — «дӣэш^ана дара → дӣэш^анӣэра; в ингушском → дӣэш^ана дара → дӣйша̄ьдара».

В этой форме также наблюдаем прогрессивную ассимиляцию в чеченском диалекте и регрессивную в ингушском. В ингушском, при этом в разговорной речи может выпадать один из удвоенных согласных: а̄ьнна̄ьдар || а̄ьндар.

Суффиксы повелительного наклонения одинаковы в обоих литературных диалектах:

дӣэша, дӣэшахь, дӣэшал — читай
 г̄уо, г̄уохь, г̄уол — иди
 ала, аллахь, алаал — скажи
 дӣйца, дӣйцахь, дӣйцал — расскажи
 лӣэла, лӣэлахь, лӣэлал — ходи
 дӣэ, дӣэхь, дӣэл — делай
 дӣэшлалаш — учитесь
 г̄уолалаш — идите
 алаалаш — скажите
 дӣйцалалаш — рассказывайте, расскажите
 лӣэлалаш — ходите
 дӣэлаш — делайте
 дӣэшалда — да читаете, да читаешь
 г̄уолда — да пойдете, да пойдешь
 лӣэлалда — да ходите, да ходишь

В чеченском возможна и факультативная форма, утратившая классный показатель: диэшалда, диэшийла

гIулда, гIуойла
лиэлалда, лиэлийла.

В чеченском диалекте форма причастия настоящего времени совпадает с формой изъявительного наклонения. В ингушском она образуется от настоящего времени + а, если в настоящем времени глагол имеет на конце согласный звук (усеченное окончание), если же имеет гласный звук, то образуется, как в чеченском:

дoьшy, дoьшy	диэш, диэша — читающий
вoьдy, вoьдy	вуода, вуода — идущий
oлy, oлy	оал, оала — сказывающий
дyьйцy, дyьйцy	дувц, дувца — рассказывающий
лиэла, лиэла	лиэл, лиэла — ходящий

но в чеченском:

до, диэн	ду, ду	— делающий
ло, лун	лу, лу	— дающий

Самостоятельное, субстантивированное причастие образуется в чеченском диалекте от несамостоятельного + «рг», а в ингушском от несамостоятельного + «рг» или + «р» («рг» чеченцами произносится твердо, ингушами мягко):

дoьшy, дoьшyрг	диэша, диэшарг, диэшар
вoьдy, вoьдyрг	вуода, вуодарг, вуодар
oлy, эриг	оала, оаларг, оалар
дyьйцy, дyьйцyрг	дувца, дувцарг, дувцар
лиэла, лиэларг	лиэла, лиэларг, лиэлар
до, дийриг	ду, дерг, дер ¹⁾

Несамостоятельное причастие прошедшего времени в чеченском диалекте целиком совпадает формой с прошедшим повествовательным, самостоятельное образуется от него + «рг»; в ингушском несамостоятельное совпадает с тем же временем, но без классного элемента в исходе, а самостоятельное образуется из несамостоятельного причастия + «р» или «рг»:

в чеченском

диэшна — диэшна, диэшнарг — читавший

в ингушском

дийшаьд — дийшаь, дийшаьр, дийшаьрг — читавший.

¹⁾ В ингушском диалекте самостоятельное причастие от неправильного односложного глагола „дэр“—делать образуется с изменением корневого гласного в „е“.

Несамостоятельные причастия прошедшего времени по своему значению в предложении могут быть и деепричастиями.

Ни в способе образования, ни в форматах причастий, как видим, нет существенных различий между литературными диалектами. Нет этих различий и в деепричастиях.

Деепричастие настоящего времени в обоих диалектах образуется от причастия настоящего времени + окончание «ш»:

дошу, дьошуш; диэша, диэшаш — читавший, читаемый, читая.

Деепричастие прошедшего времени образуется от причастия прошедшего времени + окончание «ча||чив» в чеченском и «ча» в ингушском диалекте.

В условном и желательном наклонении формы плоскостного чеченского диалекта в большинстве получили дальнейшее развитие по сравнению с ингушскими.

Условное наклонение

Настоящее время

ингушское

чеченское

Юмизэ

Иамахъ

— если учишься

Прошедшее время

Иамаъвалиэ¹⁾

Иеминиэхъ

— если научился

Будущее время

Иамаргвалиэ

Иаъмирвелахъ

— если научишься

Желательное наклонение

настоящее-будущее время

Юмвалар

Иамахъара

— да научился бы

Юмвенвалар

Иеминиэхъара

— да был бы выучившимся

Изложенного материала вполне достаточно для выводов о степени близости чеченского и ингушского диалектов. В дальнейшем мы ограничимся самыми основными моментами речевых особенностей их.

Перегласовки в существительных подчинены тем же законам, что и глагольные, но исключений в них (в перегласовках) значительно больше. В перегласовках корневых гласных существительных мы не наблюдаем той определенности, которая имеется в глаголах. Прилагательные вообще могут менять свои основы только при словообразованиях.

Система склонений в обоих диалектах характеризуется наличием большого количества падежей (до 18), что естественно, если

¹⁾ Подчеркнуты классные элементы.

учесть, что в чечено-ингушском языке нет предлогов, а количества послелогов незначительно.

Наиболее характерными особенностями диалектов в склонениях имен являются:

наличие в чеченском диалекте в дательном падеже множественного числа в окончании согласного «н», в ингушском же «т» (см. об этом стр. 48);

наличие в единственном числе родительного и дательного, как и во множественном числе именительного и дательного падежей в ингушском диалекте гласного «а», развивающийся вследствие стяжения в результате выпадения «н» (см. об этом стр. 47—48);

наличие в направительном падеже в чеченском окончании «из»), но может быть и «га», например: в окончаниях прилагательных и существительных, склоняющихся, как прилагательные, в окончаниях существительных имен людей, с долгим гласным в исходе именительного падежа единственного числа, в личных местоимениях, тогда как в ингушском в направительном падеже обычно окончание «га», но возможно и «из».

Окончание „из“ и „га“ в направительном падеже:

в чеченском	в ингушском
барт, бартиэ	барт, бартага из — согласие, уста
куор, куориэ	куор, куорага — окно
стаг, стагиэ	саг, сагага — человек
адам, адамиэ	адам, адамага — человек
экхи, экханиэ	аькха, аькхага из — зверь
луом, льмиэ	луом, луомага — лев
ун, уьниэ	ун, унга — доска
хьун, хьуьниэ	хьун, хьунга — лес
хьонка, хьонкиэ	хьонк, хьонкага из — черемша

Окончание „га“ в направительном падеже:

в чеченском	в ингушском
зуда, зудчуьнга	сиэсаг, сиэсагага — женщина
хлириэ, хлириэчуьнга	хлириэ, хлириэчунга — осетин
хехуо, хехочуьнга	хаьхо, хаьхочунга — сторож
Муса, Мусиэга	Муса, Мусийга — Муса
Абув, Абувга	Абу, Абойга — Або
Абувглар, Абувгларга	Абувглар, Абувгларга — члены семьи Абу
Ахьмадглар, Ахьмадгларга	Ахьмадглар, Ахьмадгларга — члены семьи Ах-меда
Суо, соьга	суо, суога — я
хьуо, хьоьга	хьуо, хьуога — ты
тхуо, тхьоьга	тхуо, тхуога — мы
сайниг, сайчуьнга	сайварг, сайваргага
	сайчунга — мой
вай, вайга	вай, вайга — мы
и, цуьнга	ис, цунга — он

В родительном падеже в плоскостном чеченском диалекте большая назализация, чем в ингушском, хотя и в первом она едва уловима.

Изложенным не исчерпываются различия в падежных окончаниях существительных, но они наиболее существенные.

Приводим таблицу основных расхождений в склонении существительных:

Оконч. в чеченск. диалекте			Оконч. в ингушск. диалекте	
ед. ч.	мн. ч.		ед. ч.	мн. ч.
Род.	нан		а	
Дат.	нна	шна	а	штэ
Извлекающ.	иэра	шкара	гарэ	шкарэ
Обращающ.	иэ, га	шка	гэ	шкэ
Усваивающ.	иэхь, гахь	шкахь	гахь	шкахь
Местный	хула	шкахула	гӀоллэ	шкагӀоллэ

К синтаксическим расхождениям надо отнести постановку отрицания «ц» в ингушском диалекте, в отличие от чеченского, в конце глагола:

диэшац — не читаю;
вуодац — не иду.

В чеченском диалекте отрицание «ца» обычно ставится перед глаголом: «ца доьшу» — не читаю»; «ца вьеду» — не иду», но и чеченцы иногда говорят: «дац — не есть», «диэшац — не читаю» и т. д. В вопросительной форме в чеченском диалекте отрицание «циц», «иц» часто ставится после глагола:

дацийц? — не есть ли?
вуодац? — не идет ли?

У ингушей всегда отрицание ставится в конце глаголов, но отрицания «циц», «иц» не существует, ему соответствует «ц»: «дац» — не есть ли? «вуодац?» — не идет ли? Никаких других существенных диалектальных особенностей в синтаксисе чеченцев и ингушей нет.

Путем наращения отрицания «ца» могут образовываться существительные в обоих литературных диалектах:

магар — мочь
цамагар — болезнь
там — довольство,
цатам — неприятность,
биезам — симпатия
цабиезам — антипатия

В подобных словах отрицание слилось воедино с существительным. В причастиях и деепричастиях отрицание «ца» также в обоих диалектах ставится вначале:

цавоьдург — неидуший;
цавоьду — не идуший;
цаваханарт — неушедший;
цавахана — не ушедший
цавоьдуш — не идя;
ца вахана, ца ваха — не ушед.

Отрицание с причастием составляет одно слово, с деепричастием — нет.

Перечисленные расхождения в морфологии между плоскостным чеченским и ингушским диалектами являются самыми существенными, но и эти расхождения быстро взаимно усваиваются и не представляют больших затруднений для взаимопонимания, поэтому обилие приведенных контрастов не должно расцениваться, как непреодолимое препятствие к развитию чеченской и ингушской письменности к единству. Нам известно, что при детальном анализе речи даже смежных говоров одного и того же диалекта, различия между ними бывают не только многочисленны, но и существенны.

В) КЛАССЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ДИАЛЕКТАХ

Автор монографии «Чеченский язык» П. К. Услар в § 11 названного труда, признавая, что он не в состоянии раскрыть законы распределения в чечено-ингушском языке слов по классам, утверждает: «Эти законы остаются совершенно непонятными даже и для тех немногих чеченцев, которые усвоили себе способность грамматически всматриваться в родной язык. С другой стороны, весьма замечательно, что каждый чеченец обладает непогрешительной способностью угадывать, где должно употребить «йу», где «ду», где «бу». Чеченский язык дробится, как мы сказали выше (§ 1), на наречия, но как меня уверяли, столь темный для меня вопрос йу, ду, бу, всеми чеченцами разрешается одинаково, не подавая повода ни к каким недоумениям. Немногие русские слова, получившие в чеченском языке права гражданства, тотчас же подчинились этим загадочным законам согласования»¹⁾.

Не претендуя на раскрытие загадочных законов распределения в чечено-ингушском языке слов по классам, мы все же должны отметить, что утверждение Услара о «непогрешительной способности всех чеченцев» в настоящее время далеко от истины. Трудно допустить, что и во времена Услара, в середине XIX в., дело обстояло так, как он утверждает.

1) П. К. Услар. «Чеченский язык». Тифлис. 1888 г.

Классная система чечено-ингушского языка наиболее сложна по сравнению с другими яфетическими языками Кавказа, некоторые из которых в своем развитии далеко ушли в этом отношении от чечено-ингушского. Достаточно назвать аварский язык, где всего три класса, между которыми все слова распределяются по определенным признакам, или грузинский, где вообще нет классов.

При наличии тех значительных ломок, которые наблюдаются в чечено-ингушском языке во всех разделах его грамматики, было бы странно, если бы классная система его, наиболее архаичная, сохраняла бы такую удивительную устойчивую стабильность, одинаковую на всей территории Чечено-Ингушии вместе с Аухом.

На самом деле классная система подвергается не меньшей, если не большей, ломке, чем остальные грамматические категории.

Чечено-ингушскому языку свойственно шесть классов, тогда как в бацбийском их восемь. Даем их в том порядке, в каком они даны в «Чеченском языке» Услара:

единств. число:

	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	VI кл.
суо	ву	йу (ю)	йу (ю)	бу	ду	бу

множествен. число:

тхуо (вай)	ду	ду	йу (ю)	бу	ду	бу
изуш	бу	бу	йу (ю)	ду	ду	бу

Приведенные классы и классные показатели-связки верны для большинства чечено-ингушских диалектов. В горно-чеченских диалектах (итумкалинском и чаберловском) первый класс имеет показатели: «ву, бу, бу», а не «ву, ду, бу», как в остальных диалектах. Непривычное (к такому классному оформлению) ухо чеченцев и ингушей режут такие фразы: «Кхуонахой схьаболиэ» — Мужчины идите, вместо — «схьадолиэ»; «Диаболхий шу?» — идете вы?, вместо «дIадолхий шу?» и т. д.

Плоскостной чеченский диалект успел почти утратить VI класс — «бу, бу». Количество слов, относящихся к этому классу, во-первых, невелико, во-вторых, ни одно слово из широко-усваиваемых в наше время не оформляется в этом классе, и, наконец, в-третьих, те немногочисленные слова, которые оформляются в этом классе, в большинстве могут быть факультативно в 2-х классах — VI и IV-ом:

Іаж бу, Іежаш бу, Іежаш ду — яблоко;
 куог бу, куогаш бу, куогаш ду — нога;
 куорта бу, куортош бу, куортош ду — голова;
 маьнга бу, маьнганаш бу, маьнганаш ду — кровать;
 кад бу, кедаш бу, кедаш ду — чаша.

Таким образом, классная система в чечено-ингушском языке едина, но с некоторыми отклонениями в различных диалектах. В ней пока 6 классов.

Все классные глаголы и прилагательные в чеченском диалекте — классны и в ингушском, за исключением 2-х глаголов и 2-х прилагательных.

В глаголах «ай'ар» — поднять, «дай'ар» — потерять, как указывалось выше (на стр. 61), в чеченском утрачен классный показатель, тогда как в ингушском он сохранился:

айвар, аййар, айдар, айбар — поднять;
воавар, йоайар, доадар, боабар — потерять.

В прилагательных «—оца», короткий, «—орех» — дешевый, наоборот, сохраняются классные показатели в чеченском, а в ингушском утрачены.

К вопросу изменения классных показателей в существительных (букъ, йукъ, дукъ — спина, поясница, хребет; йиша, ваша — сестра, брат, воI, йоI — сын, дочь: йист, бист, дист — край, уста и т. д.), уже отмеченному П. К. Усларом и З. К. Мальсатовым, вряд ли что нужно прибавить в настоящей работе.¹⁾

Если взять те слова, которые в «Чеченском языке» приводятся Усларом для иллюстрации тех положений, которые им выдвинуты для объяснения системы классов в чечено-ингушском языке, и сравнить их в отношении распределения их по классам в современных литературных диалектах, обнаружим значительные расхождения.

в чеченском по Услару²⁾ в ингушском

вир йу, йу	вир йа, йа	— осел в обоих диалектах может быть и в классе „ду, ду“
гуеци йу, йу (бу, ду)	караз да, да	— коновязь
куй бу, ду	куй йа, йа	— шапка
чиерма ду, ду	чиэрма йа, йа	— кадушка
айма йу, йу	Iам ба, да	— водоворот
бIарг бу, бу (бу, ду)	бIарг ба, да	— глаз
гуола бу, бу (бу, ду)	гуола йа, йа	— коленка, локоть
мара бу, бу (бу, ду)	мераж йа, йа	— нос
гие ду, ду	гаь йа, йа да, да	— желудок
муот ду, ду (бу, ду)	муот ба, да	— язык
йиIни йу, йу	йаIа да, да	— глотка, шея
эхкие йу, йу	ахка да, да	— лето
шинара йу, йу (бу, ду)	шинара да, да	— вторник

1) Услар. „Чеченский язык“. Тифлис. 1888 г.

З. К. Мальсагов. „К вопросу о классных элементах в нахском языке. Известия Ингушского Научно-Исслед. Ин-та Краевед. Владикавказ. 1930 г.

2) В чеченских словах сохраняем орфографию П. К. Услара, в скобки взяты классные показатели, присущие современному плоскостному чеченскому диалекту.

кхара йу, йу	кхаьра да, да	— среда
йиера йу, йу	йиэра да, да	— четверг
мукх бу, бу (бу, ду)	мукх ба, да	— ячмень
ба1 бу, бу (бу, ду)	ба1 ба, да	— колючка (растение)

Что же касается вновь усваиваемых слов, то они оформляются: названия разумных существ по признаку пола в 1-м и 2-м классе, а все остальные слова в 3, реже в 5 и очень редко в 4 классе.

При этом надо заметить, что не только не наблюдается не-«погрешительная способность» интуитивно отгадывать, «где йу, где «ду», где «бу», но иногда одно и то же слово в различных диалектах оформляется в различных классах:

В 1-м классе

Во 2-м классе

в обоих диалектах:

в обоих диалектах:

большевик ву
ударник ву
избач ву
колхозник (колхозхо) ву
председатель ву
автор ву
активист ву
профессор ву

большевик йу¹⁾
ударник йу
избач йу
колхозник йу
председатель йу
автор йу
активист йу
профессор йу

В 3-м классе оформляется большинство слов, обозначающие неодушевленные и одушевленные предметы и отвлеченные понятия:

марксизм йу
большевизм йу
класс йу
пролетариат йу
буржуази йу
диктатура йу
оппозици йу
теори йу
идея йу
программа йу
лекци йу

фабрика йу
комбайн йу
автомобиль йу
школа йу
ликпункт йу
собрани йу
шкаф йу
самовар йу
чайник йу
листовка йу
форма йу
агитаци йу

в 5-м классе

газет ду, ду
журнал ду, ду
закон ду, ду

— таз ду, ду
— приказ ду, ду
— стака ду, ду

1) В ингушском диалекте связка йа.

паровоз бу, ду
точка бу, ду
параграф бу, ду

Класс этих и подобных усвоенных слов весьма неустойчив. Ингуши часто говорят: «паровоз йа, точка йа», «запятая йа».

Дукха паровозаш йар цига — Много паровозов там было.

ЙоагIача точкаш увттайе хац цунна—Он не умеет, где следует, ставить точки.

Такой разноречивой наблюдается иногда в классном оформлении новообразований.

В плоскостной Чечне говорят:

самолет йу и самолет ду
аэроплан йу и аэроплан ду
стол йу и стол ду
книжка йу и книжка ду.

Некоторые коренные слова могут оформляться факультативно в 3-м и 5-м классах:

куотам йу, куотам ду — курица
бежан йу, бежан ду — скотина
цамгар йу, цамгар ду — болезнь
дечик йу, дечик ду — дрючок, полено
кIуорний йу, кIуорний ду — детеныш.

Явление, изложенное в последних трех пунктах, представляет собою различие не диалектального порядка, различие не говора, а колебание в распределении слов по классам, которое можно наблюдать не только в одном и том же говоре, но в устах одного и того же лица. Оно свидетельствует о некоторой неустойчивости классной системы.

О том, как быстро протекает процесс изменения в классах чечено-ингушского языка, и о том, как ускоряется этот процесс в ингушском диалекте после объединения Чеченской и Ингушской областей, можно судить по следующему факту: еще в 1934—37-м гг. в ингушской литературе многие слова оформлялись в классе «да», ныне те же слова оформляются в классе «йа»:

социализм да	социализм йа
акт да	акт йа
климат да	климат йа
анализ да	анализ йа
синтез да	синтез йа
элемент да	элемент йа

диаграмма да	диаграмма йа
масштаб да	масштаб йа
минус да	минус йа
плюс да	плюс йа
процент да	процент йа
математика да	математика йа
физика да	физика йа
медиана да	медиана йа
катет да	катет йа
радиус да	радиус йа

Количество подобных примеров можно бы увеличить в значительной мере.

Объединение Чеченской и Ингушской области в единую республику содействует дальнейшей ломке классной системы в чечено-ингушском языке. Благодаря более частым и регулярным общениям между жителями самых отдаленных районов республики, ухо постепенно привыкает к различному классному оформлению одного и того же слева, привычная норма перестает казаться единственно возможной.

Отдельные особенности диалектов нивелируются и вместе с тем ускоряется процесс упрощения системы «классов» чечено-ингушского языка.

В настоящее время все реже и реже употребляются показатели первого класса «ву, бу, бу» в нагорночеченских диалектах, показатели плоскостного диалекта «ву, ду, бу» вытесняют их.

Плоскостной чеченский диалект идет к утрате 6 класса.

Расхождения в распределении слов по классам, которые мы описали, постепенная утрата плоскостным чеченским диалектом 6-го класса и наличие в нагорночеченских диалектах особого показателя для 1-го и 2-го лица множественного числа, как в бацбийском языке, есть свидетельство о ломке сложной системы классов и о процессе упрощения ее.

Г) РАСХОЖДЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

Лексика есть один из наиболее важных критериев для суждения о степени близости диалектов языка и даже для определения того, составляют ли данные языковые культуры единый язык или нет. Отличительная особенность чечено-ингушской лексики — многочисленность случаев полного единства (единства по звуковому составу и по содержанию) начальных форм, при наличии случаев различия в перегласовках корневых гласных. Это положение в отношении глаголов мы уже рассмотрели.

Доцент Егоров в статье «Чечено-ингушская лексика» утверждает, что в чечено-ингушском языке около 40% целиком совпа-

дающих слов.¹⁾ Профессор Сердюченко и доцент Егоров в статье «О чечено-ингушском литературном языке»²⁾ отметили, что в чеченском и ингушском языках 80% общих слов.

Процент общих слов неуклонно растет вследствие того, что

1) чеченской и ингушской литературой в огромном количестве усваиваются советизмы и интернационализмы, не только начальная, но и производная форма которых за исключением некоторых суффиксов абсолютно одинакова в обоих диалектах,

2) количество новых слов (неологизмов) из средств родного языка также многочисленно, и в большинстве случаев они мало расходятся в обоих диалектах и

3) в результате постоянного общения чеченцев и ингушей происходит постепенное сглаживание различий в произношениях слов вследствие взаимовлияния чеченской и ингушской речевой культуры.

Ясно, что при таком положении существующие диалектальные различия и, в частности, различия в лексике не будут увеличиваться, а будут уменьшаться.

К словам единым в обоих литературных диалектах относятся такие общеупотребительные, как:

уьстагI	— баран	Ia	— зима
шура	— молоко	счет до десяти	
берд	— обрыв	ариэ	— равнина
Iаж	— яблоко	шо шу	— год
биэгаш	— шутки	хьун	— лес
ага	— люлька	кад	— чашка
мохк	— земля, страна	тха	— шерсть
бIаьстиэ	— весна	юрт	— селение

Едины интернационализмы и советизмы:

коммунист	коопераци
большевик	агитаци
комсомол	диалектика
парти	индустри
совет	материализм
аэроплан	социализм
автомобиль	большевизм
трамвай	советски
колхоз	тракторист
географи	комбайнер
физика	ударник

1) О. П. Егоров. „Чечено-Ингушская Лексика“. Языки народов Северного Кавказа и Дагестана. Сб. I. Ленинград.

2) Г. П. Сердюченко и О. П. Егоров. „О чечено-ингушском литературном языке“. Журн. „Революция и Горец“. Ростов-Дон. 1933 г.

В значительной мере единство наблюдаем в неологизмах:

даьхиэ — отечество
куьйгалла, куьйгалхуо — руководство, руководитель
ахархуо — земледелец, крестьянин
хабар — предложение
дацардош — отрицание
мухалдош — наречие
цIерметтадош — местоимение
доланиг — родительный падеж
диэшархуо — ученик
хиэхархуо — учитель
дийнат — животное
орамат — растение¹⁾
цIиэ эскар — красная армия
цIиээскархуо — красноармеец
хьизжам — взгляд
буолам — движение
кхайкхам (чеч.), кхайкам (инг.) — воззвание
лиэхам — требование
кхиам — успех
дог-ойла (ийла) — чувство
гайтам — указание.

К разряду слов, целиком совпадающих, очень близки слова с краткими корневыми гласными, которые могут варьироваться в произношении. Выработка таких правил в их обозначении, при котором достигалось бы орфографическое единство в обоих письменных диалектах, не представляет никаких затруднений и неудобств. Краткие гласные часто даже в устах одного и того же индивидуума могут иметь различные оттенки в одном и том же слове.

Точно так же могут различно произноситься слова с дифтонгами «ай || эй», «ав || ов» в корне.

До 1938 года дифтонги «ав» и «ов» обозначались в чеченском преимущественно через «ав», а в ингушском через «ов», точно такой же разницей был в обозначении дифтонгов «ай», «эй», что давало некоторым работникам повод говорить об «аканье» и «оканье» в литературных диалектах. Изложенный разницей в отношении дифтонгов «ай||эй, ав||ов» ликвидирован орфографией 1938 г., но в отношении кратких гласных этого не сделано. В своих подсчетах, относящихся к 1933 году, доцент Егоров и профессор Сердюченко не могли учесть этих моментов, ибо о расхождениях в чечено-ингушской лексике они судили не по произношению, а по написанию, поэтому цифры, приведенные названными учеными, должны при уточнении несколько увеличиться.

1) В ингушском диалекте существует параллельный неологизм — баьцовгIа.

К группе с изложенными особенностями относятся такие общеупотребительные слова:

хин, хен — вода
дика, дека — хороший
йис, йес — иней
куй, кий — шапка
нох, нух — плуг
йиш, йеш — мотив
йуша, йиша, йеша — сестра
ойла, ийла, уйла — мысль
бей, бай — дерн, целина
эйра, айра — подошва
пейда, пайда — прибыль, польза
гавр, говр — лошадь
хьовла, хьавла — халва
воша, ваша — брат
дин, ден — конь.

Много слов, некоторые фонетические различия которых объясняются теми фонетическими особенностями литературных диалектов, о которых говорилось выше.

К таким относятся слова:

а) с начальным «ст» в чеченском и «с» в ингушском:

стим, сим — желчь
стиэ, сиэ — женская особь
старгIа, саргIа — бугай
стигил, сигил — небо
стаг, саг — человек
стиэла Iад, сиэла Iад — радуга
стуом, суом — плод, рубль.
стун да, уст да — тёсть
сту, уст — бык

С корневым «уй» в чеченском:

буй, бий — кулак
буьйса, бийса — ночь
суьйрие, сайриэ — вечер.

С «ф» в зачине в ингушском:

фуорд, хIуорд — море
фоарт, ворту — шея
ферта, верта — бурка
Фарта, Марта — Фартанга
фаз, пизс — феска
фусум, хIусум — пристанище
фуо, хIуо — воздух
фун?, хIун? — что?

С ингушским корневым «оа»:

боахам, бахам — имущество
боалоз, балоз — воск
дloаgIa, догIу — ключ (в чеченском еще — замок).

С чеченским корневым «уь, оь»:

туька, тика — лавка
куьрк, кирьк — глинобитная печь.
доьл, дол — десна.

Есть группа слов, не сходящихся по значению при наличии фонетического сходства:

в чеченском gIovgIa — шум
gIaigIa — печаль, тоска.

В ингушском gIaigIa — печаль, тоска:

gIilIaIax — вежливость, а в чеченском gIuIlaIax — дело.

В ингушском gIulaIax — вежливость, дело.

ДIуогIу — ключ, замок в чеченском; в ингушском дloаgIa — только ключ, замок — чIиэга.

Тукар — всякие ножницы в чеченском; в ингушском kIod — ножницы вообще, а маленькие ножницы для стрижки ногтей, бороды — тукар.

В ингушском жур — всякая кукурузная мука; в чеченском жур — мука из несущеной на огне кукурузы, а из сушеной — сискалгIа.

В ингушском сонта — гордый, в чеченском — глупый.

✓ В чеченском ков — ворота, в ингушском ков — двор.

Кроме того, значительное количество диалектизмов находим в различных диалектах в связи со специфическими условиями их хозяйства и истории:

йивар — зябь (нагорная Ингушия и Чечня)
доархIиз, дуорхI — солнечная, теплая долина (нагор. Ингушия, Шарой).

куомал — ледоход (Надтеречный район)
цIацкъар — щебень, нанесенный речкой (нагорн. районы)
моартхал (горная Ингушия), нартол (горная Чечня) — свод
сос (нагорные районы) — особый вид ржи
чачхар (гор. Ингушия) — деревянный жолоб
виэта (Чечня), гиэта (горная Ингушия) — лен
чиэта куотанг — сосновая (еловая) шишка (нагорн. Ингушия.)

Есть диалектизмы, присущие всей плоскостной Чечне или Ингуши. Они иногда проникают далеко за пределы названных районов:

ямарта — предательский (Чечня)
 вуно — очень (Чечня)
 дlаниэхъа — туда, в ту сторону (Чечня)
 хlа-хlа — нет (Чечня), ингушское — а
 зуда — женщина (Чечня), ингушск. — сиезаг
 зиэз — ель (Чечня), ингушск. корсам; хвоя — зlай,

отсюда ингушское зlий, чеченское зу — еж.

нlаьна (Чечня) — петух, ингушское — борlал
 дама — пшеничная мука (Чечня), ингушск. — хьоар,

чан — пыль (Чечня); ингушск. — дом, но и ингуши говорят:
 чан яний — поднялась пыль.

В Мелхистах и Майстах нам удалось слышать следующие термины языческого культа:

аькандар — священник
 доастар — помощник священника
 элгац — церковь (этот термин известен и в Ингушии).
 сини — кутя, каша, которой поминаются мертвые,

отсюда ингушское «синел» — скот, который резался над покойником.

В нагорной Ингушии, как и в Майстах, помнят еще:

Чача — богиня воды
 Фурки — богиня ветра
 цlув — вещественный памятник языческого культа
 буожольг — священный хлебца
 Ялта — сын божий
 йерда — божество
 lел — преисподня
 цlей куотам — священная курица (удод)

Примеров подобной совершенно забытой на плоскости терминологии можно было бы привести значительно больше.

Далее имеем такие чечено-ингушские расхождения:

чеченские	ингушские	
бедар	барзкъа	— одежда
бежан lу	бежа lу, lокказ	— пастух крупного рогатого скота
дlама	борцакх	— барсук
бошхап	оаркхалг	— блюдо, блюдечко
полла	klормац	— бабочка
текх	оаркху	— деревянное блюдо

paŋlʏ	уотар	— сарай
чхьоввриг	чоапалг	— жук
xlutut	тушол	— удод
стака	пиэла	— стакан
луьлла	топпара глаблиэ	— курительная трубка
сирник	цилиэторг	— спичка
klunzul	чагарг	— парша
биэн	мара	— только
метик	цел	— мотыга

Многие из этих слов заимствованы чеченцами и ингушами из разных источников: ингушские — «барзкъа, глокказ, чагарг» из осетинского языка; чеченские — «лула, сирник, метик» из русского.

В нагорных районах много слов, забытых или почти забытых в плоскостных районах, правильно было бы считать их архаизмами, ибо они ныне забываются всеми.

К таковым относятся прежде всего слова и выражения языческого культа: Сиэла (Майсты, нагорная Ингушия) — бог грома и молнии

Сиэла Сата (Майсты, нагорная Ингушия) — богиня, дочь Сиэлы

Тушуоли (нагорная Чечня и Ингушия) — богиня, празднества в честь этой богини на плоскости, в Ингушии, существовали, как детские праздники, вплоть до революции,

цленсаг — жрец (Майсты, нагорная Ингушия).

К архаизмам же следует отнести забытые или забывающиеся термины из области обычного права:

маIазаг — судья в родовом обществе

кхиэла да — исполнитель решений общественного суда в родовом обществе

барч — подарок

хьалхалиэ — уплата за освобождение от ответственности за действие «фамильного брата».

Литературный язык для того, чтобы он полностью отвечал запросам социалистического общества, должен обладать богатой лексикой. Лексика языка должна обогатиться путем включения всего словарного запаса всех диалектов в литературный язык. Если до революции отдельные районы могли обходиться небольшим кругом слов, если почти каждый район имел свою специфическую лексику, то ныне в связи с ликвидацией разницы между городом и деревней, благодаря которой деревня приобщается к экономической, культурной и политической жизни всей республики, она (деревня) должна обладать богатой лексикой литературного языка.

Даже те слова, которые кажутся ныне архаизмами, как культовая лексика языческого периода и лексика, отражающая обычное право, должна быть достоянием литературного языка, хотя бы потому, что она необходима для исторической науки и для коммунистической пропаганды.

При наличии того факта, что все советизмы, интернационализмы и неологизмы едины для обоих литературных диалектов и при наличии возможности усвоения ими (литературными диалектами) всего богатства всех диалектов — удельный вес имеющихся лексических расхождений сведется к минимуму, который будет в свою очередь в конце концов ликвидирован установлением единых орфографических норм и допущением некоторых диалектизмов в литературный язык в качестве синонимов.

Нужно дать категорический отпор «теории» о богатстве языков, утверждающей, что все языки богаты, одни — словами, которые отвечают запросам сегодняшнего дня, а другие — архаической терминологией из области хозяйства, которая некогда была особо значимой в экономике народа.

Мы не склонны рассматривать как богатство наличие в языке терминов из языческого культа или терминов, обозначающих всевозможные оттенки масти, различия возраста, курдюка, рогов и т. д. домашних животных, тогда как нет самых необходимых слов для обозначения современных социальных и производственных отношений. Мы думаем, что основное богатство всякого языка заключается в способности развиваться, и эту способность надо правильно использовать.

V. ЧЕЧЕНСКИЕ И ИНГУШСКИЕ ТЕКСТЫ.

Анализ чеченской и ингушской лексики, морфологии и синтаксиса позволяет нам сделать четкий вывод: чеченский плоскостной и ингушский диалекты есть диалекты единого языка. Правда, нельзя только языковыми данными руководствоваться при определении того, являются ли данные речевые культуры самостоятельными языками или диалектами.

Известно, что различий между северо- и южногерманскими диалектами больше, чем между сербским и болгарским языками, но в науке первые не считаются самостоятельными языками, а вторые — диалектами южнославянского языка.

В Чечено-Ингушии некоторые товарищи придают слишком большое значение малейшим диалектальным различиям, при этом часто забывается, что языков, не состоящих из отдельных диалектов, вообще не бывает. Чтобы убедиться в этом, достаточно самого поверхностного ознакомления с диалектами русского языка. В качестве иллюстративного материала приводим образцы говоров

русского языка, взятые нами из учебника «Русская диалектология». ¹⁾

Сибирский край, Иркутский округ,
с. Исток (оз. Байкал).

Шём капеек тибé на абрáтную путь. — Аддава — так поу-
цёй-ка. Кто ета ждéваw тажик-та брáвенькой? Вжвёшим, жа-
пíшем, патом придёсь. Где шéра? Шéшь гушéй быва: как вы-
штрелю, ни адной ништáво. Касю, касю, а вшё травы мáво.
Ты чо ждeшь встaв-то?

Воронежская губ., Бобровский уезд,
с. Бутурлиновка.

— Кума, халсты продала? — А щo? Табе фсе нужна! Ну
какая табе дела? Ну щo-ш — навари, чяho табе нужна? — Ты
ни кричи, а то фся ярманка збйжитца. Прашшай, кума, с табой
пива не свараш.

Тульская губерния, Павловский уезд,
д. Орлово.

Да яси́нак шу́тáйтца двáтцáть пять нёрст... Кой үдé есьть
самава́ры, у нас не́ была у Арло́уи — ты. Трау́и напха́ють, ли-
пва́й твё́т, и абва́рють духави́тай тра́уки и пью́ть... Наро́т
наш бе́днай, сафсем бе́днай. У као́ воу́цы я́сь, а у кауо́ не́ту.

Курская губерния, Львовский уезд,
с. Заломное.

Какую́ б таё харо́шаю? Чигó ты смиёсьси? Зашто́ ш ён
бил игó? Ён та́хта бала́каить. Ён га́дкай. Сама́ таго́ ни сто́я,
што на саё надэ́ня. Хай́тя абéдать. На́ таё мой кукóшник. По-
ма́цай хваря́пу — узять глэк.

Владимирская губ., Муромский уезд.

У нас такжа всю озимь такды́ набиди́л зладей цервяк: така́
была их у́йма, шта йнда гляди́ц го́рьки. Савсим и мы розары-
лись. Вот далби́ и зиму и лита тапорьом-та, што ба сёмью
прокармить.

Олонецкая губ., Повенецкий уезд, д. Шунгский бор.

Жыу́ быу́ купець до́сюль, было́ у́ не́то три доце́ри, задума-
лось ёму́ за мо́ре поторгова́ть сы́здить. Он дочерям соору́

¹⁾ Еремин и Фалев „Русская диалектология“. Москва. 1928 г.

всім по покою, а двирей на улицю не прорубиу, ходу не сде-
лау, штобы не ходили нукуды. Большая доци отцю говорит:
„Надешь (так!) мою рубашку беленьку, если я худо заживу, то
путь моя рубашка поцерепа“.

Чеченский текст:

«Паччахьан Россехь капиталистически Iазап чIагIора пачча-
хьан Iедалан Iазапаца. Белхалоша бала хьобгура, капиталистически
эксплуатацех а, каторжни кынхьегамах а хьегна ца Iеш, амма дер-
риг а халкхьан бакьо ца хиларх а. Цуьндела кхетаме белхалой гIер-
тара паччахьан Iедална дуьхьал гIаларчуй, юьртарчуй ерриг а демо-
кратически элементийн революционни боламна коьрталла дан. Iат-
та ца хиларна а, крепостничествах бухайисна дуккха-а тIаьхьенаш
хиларна а садукьиделла бара ахархой, помещикан-кулакан Iазапехь
бара уьш. Паччахьан Россехь дехаш долу халкхаш шалхачу —
шайн а, оьрсийн а помещикийн а, капиталистийн Iазапна кIел
узарш деш дара. 1900—1903-чуй шерийн экономически кризисо
кынхьегаман халкхашкара хала хьал чIагIдира, тIамо иза кхин а
алсам ирдира. Тамехь иьшаро халкхашкахь паччахьан Iедале ца-
безам чIагIора. Халкьо садеттаран йист герга кхочуш лаьт-
тара».¹⁾

Тот же текст приводим на ингушском диалекте:

«Паччахьа Россе капиталистически низ-Iоткхам чIоагIора ца-
ризман низ-Iоткхамца. Болхалоша Iазап озар, капиталистически экс-
плуатацех, каторжни кьахьегамах эза ца Iеш, деррига адаманш
бокьо йоацаш хиларах а. Цудухьа сакхетаме бола болхлой города
а юрта а ерригача демократически элементий царизманна духьа-
ларча революционни болама кертте отта гIертар. Ахархой леча кхоа-
чабаьбар лаьтташ ца хиларо, крепостничествах юхе йисача дукха-
ча юхкаша, уж бар помещики, кулакеи лоале. Паччахьа Россе да-
хаш дола кьамаш Iазап озаш дар шин низ-Iоткхама кIал — шоай а
эрсий а помещикийн капиталистийн. 1900—1903 ш.ш. экономиче-
ски кризисо чIоагIагIа хилийтар кьахьегама наьха кьелаш, тIемо
кхы а дукхагIа ирйир уж. Тем тIа эшалуш хиларо кхы а дукхагIа
чIоагIйора царизманцара гоамал. Кхоачабаларна гарга гIерташ бар
адамий сатохам».¹⁾

Русский оригинал приведенного текста:

«В царской России капиталистический гнет усиливался гнетом
царизма. Рабочие страдали не только от капиталистической экс-
плуатации, от каторжного труда, но и от бесправия всего народа.
Поэтому сознательные рабочие стремились возглавить революцион-

¹⁾ Ерригсоюзан коммунистически партия (большевикийн) Истори йоаца
курс. НохчIагIагIпачхьалкхиздат. Сольж-Пала—1939 г.

²⁾ Ерригеоюзан коммунистически партен (большевикийн) Истори лоаца
курс. НохчIагIагIпачхьалкхиздат Шолж-Пала—1939 г.

ное движение всех демократических элементов города и деревни против царизма. Крестьянство задыхалось от безземелья, от многочисленных остатков крепостничества, оно находилось в кабале у помещика и кулака. Народы, населявшие царскую Россию, стонали под двойным гнетом — своих собственных и русских помещиков и капиталистов. Экономический кризис 1900—1903 г.г. усилил бедствия трудящихся масс, война их еще более обострила. Поражения в войне усиливали в массах ненависть к царизму. Приближался конец народному терпению».¹⁾

Вследствие наличия в чечено-ингушском языке синонимов, параллельных грамматических форм, относительно свободного порядка слов, орфографических различий, в подобных переводах всегда будут расхождения, не вызванные диалектными особенностями. Приводим эти отрывки по устранению таких расхождений.

На чеченском:

«Паччахьан Россехь капиталистически ницкъ-ІагІлора царизман ницкъ-Іаткъамаца. Белхалоша Іазап хьобгу капиталистически эксплуатационный, каторжни кьинхьегамаххий хьегна ца Іеш, дерригачу халкъан бакъо ца хиларх а. Цуьндела сакхетаме белхалой гІертара паччахьан Іедална дуьхьал ерригачу гІаларчуй (городерчуй), юьртарчуй демократически элементийн революционни боламна коьрталла дан. Латта ца хиллар а, крепостничествах бухайисна дуккха а тІаьхьенаш хилар а бахьана долуш садукъделла бара ахархой; помещикан а кулакан дукъан кІел бара уш. Паччахьан Россехь дехаш долу халкъаш шалхачу — шайн а оьрсийн а помещики, капиталистий дукъана кьел узарш деш бара. 1900—1903-чуй шерийн экономический кризисо кьинхьегаман массанашкара хала хьал чІагІдир; тІамо иза кхин а алсам ирдира.

ТІамехь эшаро чІагІбора массанашкахь паччахьан Іедалца хилла цабезам. Халкъан сатохамана йист герга кхочуш лаьтгара».

На ингушском:

«Паччахьан Россе капиталистически низ-Іоткъам чІоагІлора царизман низ-Іоткъамаца. Болхалоша Іазап хьегар капиталистически эксплуатационный, каторжни кьахьегамаххий хьийгаь ца Іеш, дерригача адамий (дерригача халкъа) бокъо ца хиларах а. Цудухьа сакхетаме болхалой гІертара паччахьа Іаьдала духьал городерчей, юьртарчей ерригача демократически элементий революционни болама коьртал да. Лаьтта ца хилар а, крепостничествах юхе (бухе) йисаь дуккха тІехьенаш хилар а бахьан долаш садикъденна бар ахархой; помещика а кулака дукъан кІал бар уш. Паччахьа Россе дахаш дола кьамаш шолхачу, — шой а оьрсий а помещики, капиталисти дукъан кІал узамаш деш дара. 1900 — 1903-чу шерийн экономиче-

¹⁾ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Государственное издательство политической литературы. 1938 г. стр. 54.

ски кризисо къахъегама массашкара хала хъл члаоагIдира; тIемо из кхи а дуках ирдира.

ТIемтIа эшаро члаоагIбира массашка паччахъан Iаьдалца хинна цабезам. Халкъан сатохаман йист гарга кхоачаш латтара».

Произведенные в этих отрывах изменения сводятся к следующему:

а) буквой «н», обозначена назализация предшествующего гласного звука и в ингушском тексте;

б) произведена замена некоторых терминов:

1) Термин «гнет» в чеченском тексте был переведен через «Iазап», что значит «мучение», а в ингушском — «низ-Iоткъам» — «угнетение насилем». Оба термина широко бытуют в обоих диалектах, поэтому оставлен второй, как более точно передающий смысл оригинала;

2) «Страдали» — в чеченском тексте был переведен через «бала — беспокойство, горе», а в ингушском — «Iазап — мучение». Оба термина в совершенно одинаковом значении употребляются в обоих диалектах. Нами оставлен второй;

3) В ингушском переводе «деррига адамаш» обозначал в одном месте «народ», в другом — «массу». Неудобство такого смешения различных понятий очевидно.

В чеченском термины «народ» и «масса» переводятся через «халкъ», что собственно обозначает «народ».

Для придания точности переводу в обоих диалектах целесообразно переводить термин «народ» через «халкъ», а термин «масса» ввести в чечено-ингушский язык.

в) Далее, достигнуто некоторое единообразие в построении фраз, разумеется, при этом не нарушены синтаксические нормы диалектов.

г) Никаких существенных отступлений от существующих чеченской и ингушской орфографий не допущено, за исключением слитного написания союза «й», обозначения беглого «а» в окончании ингушского прошедшего несовершенного времени и написания согласно живому произношению, «оь», а не «о» в ингушском тексте.

В скобки взяты синонимы.

В дальнейшем приводим отрывки одинаковых чеченских и ингушских текстов в том виде, в каком они напечатаны.

На плоскостном чеченском диалекте:

Хьалхара корта

Вайн баьчча Владимир Ильич Ульянов (Ленин) вина 1870-чу шарахъ апрель баттан 10(23)-чу дийнахъ Волги тIехъ йолчу Симбирск бохучу Iадахъ, хIинца цуьнан сийнна Ульяновск аьдла цIе тиллина йолчу.

Владимир Ильичан да, Илья Николаевич, оцу заман чухъ Симбирски губернерчу халкъан школашна тIехъбожу инспектор

хилла. Иза к'ынхьегамхойх схьаваьлла а хилла, иза жима волчу хенахь да а велла виса а висна, воккхах волчу веши накъосталлица дешна цо. Университет чекхъяьккхинчул т'аьхьа, дуьххьара Пенза а, Нижни а бохучу г'аланашкарчу школахь хьехархо хилла иза. Дешархошна ч'ог'ла дукхавезара иза, х'унда аьлча цо цкъа а та'азар а ца дора царна, директоре царна арз а ца дора, ша хьохуш долчух дика кхета а бора цо дешархой. Дешарна т'аьхьабуйсуш болчу, ц'аьхь накъосталла дан стаг воцарна х'ор клиранан дийнахь мах боцуш хьеха а хьохура цо. Х'инца а цуьнан хьалха дешархой хиллачу шхьаболчара, гуттар к'анбеллачу наха, ч'ог'ла дукхавезарца барк'алла олуш дагалоцу иза. Симбирскехь волчу хенахь к'ехошна, ахархойн берашна школаш алсам яхка г'ертара иза, шен ницкъ а, к'ынхьегам а ца кхоош, шена хуьлу ницкъ ца лоруш, йочанаш хилча а юха ца к'аьхкаш цу г'уллакхна губернехула а лелара иза».¹⁾

На ингушском диалекте Цхьоалаг'ла корта

Вай баьчча Владимир Ильич Ульянов (Ленин) 1870 шера 10/23 апреля Волга йисте уллача Симбирск яхача городе ваьв, х'анз цун сийна Ульяновск аьнна ц'и тиллай цунах.

Владимира Ильича да, Илья Николаевич, цу хана Симбирски губернерча народни училищай инспектор (т'аьхожаш) хиннав. Из ше к'аьхьегамхошха хиннав, з'амига волаш денз да а венна висача цо, хала, воккхаг'ла волча веши новкъосталца, дийшад. Университет йистеяккхачул т'ехьаг'ла Пензеи Нижнийи яхача городашкарча школашка хьехархо хиннав из. Дешархошта дукха везаш хиннав из, т'ла ца чувхаш, кхыдола л'азапаш ца деш, директорага шоаш лодкъа ца беш из хилараг'л, хозза кхетабеш ше хьехар цо хьехаш хилараг'л, х'аьта ц'аг'ла новкъостал де саг воацаш, т'ехьависача дешархоchoa х'ара клирандийнахьа воаг'лаш, мах боацаш хьехаш хиннад цо. Х'анз а дикка к'абенна дун хьалха хинна дешархой ч'оаг'ла а безаме барк'л оалаш а из хьевеш а ба. Ше Симбирске волча хана к'еча наьха, ахархой берашта ма могга дукхаг'ла ишколаш яхка г'ерташ, ший низ а к'аьхьегам а ца кхобеш, йоачан аьнна юха ца к'аьхкш, цу г'уллакхна губернег'олла ихав из²⁾.

Тот же отрывок на русском языке:

Глава первая

Наш вождь Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 10 (23) апреля 1870 года на Волге, в городе Симбирске, переименованном теперь в честь его в Ульяновск.

¹⁾ А. И. Ульянова. „Ильичан беран хенан а, школьни а шераш“. Нохч-г'алг'ипачхьалкхиздат. 1939 ш. Соьлж-Г'ала.

²⁾ А. И. Ульянова. Ильича бера а деша ваг'лача ханара а шераш. Нохч-г'алг'ипачхьалкхиздат. Шолж-Г'ала. 1940 ш.

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был тогда инспектором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из простого звания, рано лишился отца и лишь при помощи старшего брата с трудом мог получить образование. По окончании университета он был сначала учителем в Пензе и Нижнем. Ученики очень любили его, потому что он никогда не наказывал их, не жаловался на них директору, терпеливо и очень понятно объяснял им уроки и занимался бесплатно по воскресеньям с теми, кто не успевал, кому дома никто объяснить не мог. И теперь еще некоторые бывшие ученики его, старые—престарые люди, с любовью и благодарностью вспоминают его. В Симбирске он старался устроить побольше школ для бедноты, для крестьянских детей и, не жалея трудов, совершенно не щадя себя, во всякую погоду ездил для этого по губернии.

Образцы песен из ингушского фольклора:

ЗАБЛАМХАН.

Заьламхана баьреш баьлина боах,
Мича маьхка баьлин боах?
Юхьах эрзах ваьлан боах,
Эрза гаьнаш тийдан боах,
Дин дика бар вола боах,
Герз цена дар вола боах.
Дина ховш — ди кIувкъадеш,
Динара воссаш — мохк эгабеш,
Сийнача бейтIа ферта тувсаш,
ФертатIа ахча декъаш,
Шода къажаца кхача бекъаш,
Нувра фуачу хьаьна наб еш,
Заьламхан воатIа боах¹⁾.

ЗЕЛИМХАН.

Зелимхановские всадники появились — говорят,
В какой стране появились? — говорят,
Внизу, в камышах расположился — говорят,
Сучья камыша порубил — говорят,
У кого добрый конь — приезжай — говорят,
У кого хорошее оружие — приходи — говорят,
Гоняживает на коня — гром гремит,
Слезает с коня — земля трясется,
На синем лугу, бурку раскидывая,
Нагайкой пишу деля,
На луке седла сладкий сон вкушая,—
Зелимхан едет — говорят,

1) Дз. Т. Измайлов. „Заьламхан“. Хрестоматия для 4-х классов ингушских школ Д. Д. Мальсагова. Г. Грозный. 1936 г.

Эта и последующая песня записаны учителем Измайловым у девяностолетней старушки-ингушки, никогда не бывавшей в Чечне. Характерны чеченские особенности в приведенной песне:

баьлин боах	—	появились говорят
тийдан боах	—	порубил говорят
Юхьах	—	внизу

Те же выражения

на чеченском литературном
языке

на ингушском

баьлла боху
тийдина боху
охъаниехь

баьннаб йоах
тийдай йоах
Юо

Таким образом, чеченизмы в ингушском фольклоре иногда переиначены на ингушский лад. Приводим перевод этой песни, сделанный еще в 1934 году для чеченской литературной хрестоматии.

ЗЕЛАМХАНАН ИЛЛИ.

Зеламхан береш баьлла боху,
Мичахь мехка баьлла боху?
Охъаниехь иэрзах баьлла боху,
Иэрзан гаьннаш тийдина боху,
Дин дикан бер вола боху,
Гиэрз цийэнан дер вола боху,
Дина хууш — диэ кьовкъадеш,
Динара вуссуш — мохк биэгабеш,
Сийначу байтиэ верта туьйсуш,
Вертан тлехь ахча доькъуш,
Шиэдан кхожаца кхача боькъуш,
Нуьйран хЮьачохь мерзан наб йиэш,
Зеламха вогуш ву ма боху.

В этой песне в 2-х местах переводчик допустил неточность в переводе:

- 1) вместо «хьенан наб» — буквально «жирный сон», переведено «мерзан, наб — сладкий сон»,
- 2) вместо «ву боху — есть говорят» переведено «ву ма боху — есть, ведь, говорят».

Приводим другую старую ингушскую песню, в ней не чувствуется никакого чеченского влияния.

ЭРАСТА.¹⁾

Ще кларх бувхабаьча ший биткъача кога
Эрмалой икк ювхаш ва ала!

¹⁾ Дз. Т. Измайлов. „Эраста“. Хрестоматия для 4-х классов ингушских школ Д. Д. Мальсагова. Грозный. 1936 г.

Исхали дийхаъча ший илдара деГла
 Салти аьпа маша бувхаш ва ала!
 Холхаза кий тиллаъча гергача керта
 Салти тIапа куй туллаш ва ала!
 Герзаца ловзадаъ ший марГIала тIелгаш
 Белаца, баъаца лелош ва ала!
 Лийтанца кыйлаъ ший йиткъа настараш
 Болата боржолца къувлаш ва ала!
 Аказе ухача бIаъхача новкъа
 ГIаж-гIабанца ухаш ва ала!
 Бабина вицлургвац каша боарз бовнза,
 Вешина вицлургвац алам божанза!

Эта песня тоже была в 1934 году переведена на чеченский язык для школьной хрестоматии.

КАТОРЖНИЭ ВАХИЙТИНЧУН ИЛЛИ.

Шиэн, кIарх буйхинчу шиэн, буткъачу когана
 Иэрмалойн изтк юхуш ву алалахь!
 Исхар дуьйхинчу шиэн илдаран диеГIана
 Салтийн аьпа маша бухуш ву алалахь!
 Холхазан куй тиллинчу горгачу коьртана
 Салтийн тIапа куй тиллина ву алалахь!
 Гиэрзаца ловзадина шиэн марГIалан тIелгаш
 Биэлаца-баъхьанца лиэлош ву алалахь!
 Луьйтанца кыйлина шиэн юткъан настараш
 Болатан буржулшца къуйлуш ву алалахь!
 Акказиэ ихначу бехачу новкъа
 ГIаж-гIабанишца оьхуш ву алалахь!
 Бабина вицлур вац кошун барз баллац,
 Вешийна вицлур вац хIоллам ва божжалц!

Сохраняем орфографию 1934 года за исключением обозначения дифтонга «ие», который обозначается через «иэ», и буквы «ц», которая нами заменена буквой «н».

АРЕСТАНТ.

На тонкую ногу мою, красный чувяк носившую,
 Армянский сапог обувая — скажи!
 На алдаровский стан мой, тонкое сукно носивший,
 Солдатское серое сукно одеваю — скажи!
 На круглую голову мою, курпейную шапку носившую,
 Солдатскую шапку с козырьком надеваю — скажи!
 Оружием игравшие тонкие пальцы мои
 С железной и деревянной лопатой возьмется — скажи!
 В стремени напрягавшаяся тонкая голень моя
 В булатные кандалы забита — скажи!
 В дальнюю дорогу, куда ходит сказия,

В деревянной колоде хожу — скажи!

Мать не забудет, пока не сгладится могильный холмик,

Брат не забудет, пока не упадет «алам» (высокий столб, ставившийся на могиле погибших насильственной смертью).

Нужно заметить, что при переводе этой песни на чеченский язык не сохранены архаичные обороты ее: «биткъача кога, илдара дегIа, гергича кертa». Ныне, обычно, игуши говорят: «биткъача когаIа, илдара дегIаIа, гергича кертaIа», или «битикъача когана, илдара дегIа, гергича кертанна».

Архаичные обороты этих выражений возможны и в чеченском плоскостном диалекте.

Приводим отрывок из чеченского фольклора.

ДАДИН ЮРТ ЯККХАРАН ИЛЛИ.

Гомун зурму ва лекхна, кIайн эскар гулдина,
Йоьзун воту ва тоьхна, и навкъа нисдина,
Ша волавелира и гуьржийн ва Ортум.
Воьдуш ма-кхечира и гуьржийн ва Ортум
Цу Дадин ва юьрта.
Са хуьлун сиедарчий уьдучу ва хенахь,
Юьйранна, олхузарш диекачу ва хенахь
Кхолха го лецира цу гуьржин Ортума цу Дадин ва юьртан.
Шиэн нанас билланчу кIедачу цу меттахь
Набарна вижна вара БахIадаран ва Муьстарг.
Салт дуьллун ма хезар цу лекхчу маьждигиэхь.
ТIаккха лиэн ма-велира БахIадаран в Муьстарг:
— «Ярабби цIаь делаI, ша вина шиэн баба!
Юьйранна малх кхиэтта, малх лоцун хан ядара,
Салт дуьллун хеза шиэна цу лекхачу маьждигиэхь.
Ара ялий ладогIахь, ша вина шиэн баба!»
Ара ялла ла дуьйгIира кIант винчу ва нанас;
Хьабттаршна го лаьцна чавкарчий ва санна,
Уьшулна го лаьцна куьсан иэрз ва санна,
Кхолха го лаьцна ма-карир цу Дадин ва юьртан.
Ша хьавзина чу яхара кIант вина ва нана:
— «Ярабби цIаь делаI, ша вина шиэн кIанат!
Кхолха го ма лаьцна цу луьран мостугIа кху Дадин ва юьртан,

Салт дуьллуш ма-лаьтта цу юьртан маьждигиэхь,
Хьо вижий ма Iилла, ша вина шиэн канат!
Йоьхна Юьйриэ ю хIара яхь йолчу кIенташна.
Шеран шитта ва баттахь шиэн кирахь лиэлина,
Кху хазачу дуьниэн чу ва ваьккхана,
Дуьзна куьйра ва санна набарна ва тIиэлаш,

Цу аган ва гIож тIиэхь пхьаьрсан дол ва туьссуш,
Ша хьуна баина и хьенан кIайн кхача
Хьакхин цIий ва санна хьарам бин ша хьуна,
Юрт йоккхучу кху дийнахь хьо стиэшхан ва хилахь».

На ингушском:

ДАДИ ЮРТ ЯККХАРА ИЛЛИ.

Гоама зурма ва лекхаь, эскар гулдаь,
Геза фата ва тоьхаь, из новкъя нисдаь,
Ше волавелара ис гуржий ва Ортум.
Водаш ма кхаьчара и гуржий ва Ортум цу Дадий ва юрта.
Сахулу сеткыйй удача ва ханахь,
Юьйрина оалхазараш декача ва ханахь
Кхолха го лаьцара цу гуржий Ортума цу Дадий ва юрта.
Ший нанас биллаьча кIаьдача цу метта
Набарна вижаь вар БахIадара ва Мустарг.
Салт дулла ма хезар цу лекхча маьждиге,
ТIаккха ле ма ваьлар БахIадара ва Мустарг:
— «Ярабби цхьа даьла, ша вина ший баба!
Юьйрина малх кхитта, малх лоаца ха яцара,
Салт дулла хоза шийна цу лекхачу маьждиге,
Ара ялий ла дугIахь, ша вина ший баба».
Ара янна ла дийгIара кIант ваьча ва нанас;
Хьаттарашта го лаьцаь чавкаша ва санна,
Ушална го лаьцаь кеса эрз ва санна,
Кхолха го лаьцна макорбир цу Даде ва юрта.
Ша хьайзаь чуьхар цу кIанта ва нана:
— «Ярабби цхьа даьла, ша вина ший кIант!
Кхолху го ма лаьцаь цу лирча моастагIаша укха Дади ва юрта,
Салт дуллаш ма латта цу юрта маьждиге.
Хьо вижа ма илла, ша вина ший кIант!
Йоьхаь Юьйре я ера яхь йолча кIанташта.
Шера шитта ва беттахь ший керчу лелаваь,
Укха хозача дуненчу ва ваьккхаь,
Дизаь коьр ва санна набара ва телаш,
Цу аган ва гIажтIа рхьарса дол ва тувеш,
Ша хьона буабаь ис хьаьна ва кхача
Хьакхий цIий ва санна хьарам баьб ша хьона
Юрт йоаккхача укха дийнахь хьо шишка ва хуле.

ПЕСНЯ НА ВЗЯТИЕ ДАДИ-ЮРТ.

В кривую зурну заиграв, белое войско собрав,
В медный барабан бив, его (войско) в дорогу построив,
Сам (о войском) вышел тот Ортум¹⁾ Грузии.
Идя, пришел он, Ортум Грузии, к тому, к Дади-юрту.

1) Фамилия генерала.

Когда перед рассветом звезды убегают,
 Когда перед утром птицы щебечут,
 Тройным кругом окружил он, Ортум Грузии, тот Дадий-юрт.
 На своей матерью посланной, мягкой постели
 Сонный лежал Багадур сын Мюстарг.
 Салават услышал (он) с высокой мечети.
 Тогда говорить стал Багадур тот Мюстарг:
 — «О единый боже! Меня родившая моя мать,
 После восхода утреннего солнца,
 Для затмения солнца сейчас не время,
 (но) Салават слышу с высокой мечети,
 Выйдя, послушай, меня родившая моя мать».
 Выйдя, послушала, молодца родившая та мать.
 Подобно гумну, окруженному галками,
 Подобно болоту, окруженному голым камышом,
 Тройным кругом окруженным нашла она Дади-юрт.
 Повернувшись пошла (домой) молодца родившая та мать.
 — «О единый боже! мною рожденный мой сын!
 Тройным кругом окружили те свирепые враги этот Дади-
 юрт,

Салават разносится с сельской мечети,
 Ты не пребывай лежа (не лежи), мною рожденный мой сын!
 Разбитое (несчастное) утро это для смелых (соревнование
 имеющих) молодцов.

В году двенадцать те месяцев в своем чреве носив,
 В этот благой (красивый) мир тебя выведя,
 Подобно сытому коршуну ко сну клонясь,
 На ручку той колыбели локтем облакачиваясь,
 Мною тебе дававшуюся ту жирную, белую пищу,
 Подобно свиной крови, проклятой я делаю тебе,
 В день, когда разрушают село, если трусом ты будешь.

Для иллюстрации тех изменений в чеченской орфографии, которые произошли за последние 2—3 года, и которые в значительной мере и в очень существенных пунктах сблизили чеченскую и ингушскую письменности, приводим отрывок из «Дадин-юрт яккхаран илли», написанный на основе ныне принятой чеченской орфографии.

ДАДИН ЮРТ ЯККХАРАН ИЛЛИ.

Гома зурма ва лекхна, кIайн эскар гулдина,
 Йобза вота ва тоьхна, и новкъа нисдина,
 Ша волавелира и гуьржийн ва Ортум.

Вовдуш ва кхечира и гуьржийн ва
 Ортум цу Дадин ва юрта.

Сахуьлу седарчий уьдучу ва хенахь,
 Луьйранна олхазарш декачу ва хенахь

Кхолха го лецира цу гуьржийн Ортума

цу Дадин ва юьртан.

Шен нанас биллинчу к'едачу цу меттахь

Набарна вижна вара Бахладаран ва Муьстарг.

Салт дуьллу ма хезир цу лекхчу маьждигехь,

Тлаккха лен ма велира Бахладаран ва Муьстарг:

— «Ярабби цхьа даьла, ша вина шен баба!

Гуьйранна малх кхетта, малх ва лоцу хан яцара.

Салт дуьллу хеза шена цу лекхчу маьждигехь.

Араялий ладоглахь, ша вина шен баба!

Араяьлла ладуьйгира к'лант винчу ва нанас:

Хьаьттаршна го лаьцна човкарчий ва санна,

Уьшална го лаьцна куьйса эрз ва санна,

Кхолха го лаьцна ма карийр цу Дадин ва юьртан.

Ша хьаьвзина чухара к'лант вина ва нана:

— «Ярабби цхьа даьла, ша вина шен к'ланат,

Кхолха го ма лаьцна цу луьрчу мостаглаша кху Дадин ва юьртан.

Салт дуьллуш ма лаьтта цу юьртан маьждигехь;

Хьо вижий ма йилла, ша вина шен к'ланат,

Йоьхна Гуьйре ю х'ара яхь йолчу к'ленташна.

Шеран шийтта ва баттахь шен кийрахь лелийна,

Кху хазачу дуьнен чу ва ваьккхина,

Дуьзна куьйра ва санна набарна ва телаш,

Цу аган ва г'ожи т'ехь пхьаьрсан дол ва туьссущ,

Ша хьуна баййна и хьенан к'айн кхача

Хьакхин ц'ий ва санна хьарам бин ша хьуна,

Юрт йоккхучу кху дийнахь хьо стешха ва хилахь».

VI. РАЗВИТИЕ ЧЕЧЕНСКОЙ И ИНГУШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СОВЕТСКИХ УСЛОВИЯХ.

Великая социалистическая октябрьская революция, освободив угнетенные и забытые окраины и создав для них все условия для развития, тем самым создала им возможность складываться в нации. Товарищ Сталин, разоблачая антимарксистскую теорию ренегата Каутского, учит: «До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд национальностей, ранее неизвестных или мало известных».¹⁾

Социалистическая революция пробудила трудящихся Чечни и Ингуши к политической жизни. Она превращает Чечено-Ингушию в республику сплошной грамотности, искусственно разделенные Чечню и Ингушию она соединила и по новой Сталинской Кон-

¹⁾ Сталин. «О политических задачах Университета народов Востока». Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат. Стр. 158.

ституции преобразовала в Автономную Социалистическую Советскую Республику; забитые, отсталые, с родовым бытом и с примитивным хозяйством чечено-ингушские племена она приобщила к строительству социализма. Социалистическая революция создала все условия для складывания чеченцев и ингушей в нацию.

Объединенные в единую автономную республику чеченцы и ингуши имеют общую территорию. Бывшая до революции экономически раздробленной, с хозяйственно-замкнутыми обществами Чечено-Ингушия, минуя тяжелый путь капиталистического развития, в основном построила социалистическое хозяйство. Возникла национальная с национальными рабочими кадрами промышленность. На предприятиях Грознефти рабочие-националы насчитываются сотнями, число их растет с каждым днем. Сельское хозяйство перестроено на социалистических началах.

Таким образом, налицо два признака, второй и третий, определяющие нацию. Четвертый признак — «общность психического склада, проявляющегося в общности культуры», также налицо, ибо исторически сложившаяся культура чеченцев и ингушей, их общественное устройство, быт, верования, искусство во всех основных чертах своих представляют несомненное единство. Таким образом, для того, чтобы завершить развитие в нацию, необходимо выработать общий национальный язык. В том, что этого признака — общности языка — нет, тогда как все остальные признаки есть, нет ничего удивительного. Язык, как надстройка и надстройка, наиболее консервативная, отстает в своем развитии от базиса. Задача сегодняшнего дня ликвидировать такое отставание.

На вопрос, как складываются национальные языки (языки литературы) мы находим исчерпывающее указание у вождей рабочего класса — Карла Маркса и Фридриха Энгельса: «В любом современном развитом языке стихийно-возникшая речь возвысилась до национального языка, отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»¹⁾. Очевидно, третий способ формирования нац. языка соответствует конкретной чечено-ингушской обстановке.

Но это не значит, что такую концентрацию, такой путь образования национального языка, можно осуществить декретным путем.

Неверно было бы сейчас ставить вопрос о ликвидации ингушской письменности и об объявлении существующего чеченского письменного языка, с внесением в него некоторых коррективов, единым (общим) литературным языком.

Возникшие после Октябрьской революции чеченская и ингуш-

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. „Немецкая идеология“. Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Партиздат. 1935 г., стр. 414.

ская письменности в своем развитии прошли ряд этапов в обстановке ожесточенной классовой борьбы. После окончательной советизации Северного Кавказа немедленно было приступлено к созданию чеченской и ингушской письменностей. Та разобщенность, которую царизм в течение почти 100 лет внедрял между чеченцами и ингушами, не могла быть целиком преодолена на культурном фронте с первых шагов мирного строительства, хотя совместная борьба трудящихся Чечни и Ингушии под руководством Серго Орджоникидзе и Кирова против контрреволюционной деникинщины и «своей» кулацко-мульской контрреволюции, значительно подняла классовое самосознание масс.

Политика царизма «разделения» и экономическая замкнутость различных районов дореволюционных Чечни и Ингушии создали к началу Октябрьской революции такие условия развития чечено-ингушского языка, которые исключали возможность практической постановки вопроса о едином литературном языке с первых же годов Великой Пролетарской революции.

Вопрос о единой чечено-ингушской письменности с первых дней советизации находится в центре внимания советско-партийной общественности. VII Ингушская областная партийная конференция в 1932 году специально обсуждала вопрос о едином чечено-ингушском литературном языке. В том же году этот вопрос был поднят по инициативе чеченской и ингушской делегации на Краевой партийной конференции.

Неоднократно созывались чечено-ингушские конференции и совещания культурных работников по унификации алфавитов, грамматики, орфографии и терминологии. Эти же вопросы обсуждались на страницах национальной печати, но, как указывалось выше, административная разобщенность Чечни и Ингушии не позволяла осуществлять единое руководство культурной работой, поэтому все эти конференции и совещания не дали практических результатов. Отсутствие единого руководства и единого плана, вследствие административной разобщенности чеченской и ингушской областей, зачастую самочинные действия национальных издательств, особенно ингушского, служили значительным препятствием к сближению чеченской и ингушской письменностей.

Таким образом, до 1934 г., т. е. до административного объединения Чечни и Ингушии, не было достигнуто заметных результатов в деле формирования единого литературного языка, хотя за тот же период и чеченская, и ингушская письменности выросли колоссально.

Развилась чеченская и ингушская художественная литература. Начальная школа была обеспечена учебно-педагогической литературой, издавалась в массовых тиражах политпросветлитература. В результате всего этого уже к 1934 году имелись оформившиеся чеченский и ингушский письменные языки, выросшие: первый на плоскостном чеченском диалекте, а второй—на ингушском.

В 1920 г. З. К. Мальсагов составил ингушский алфавит на латинской основе. Алфавит этот был допущен к печати цензором Кавказской Красной Армии; позднее он (алфавит) был рассмотрен и утвержден Горнаркомпросом, который рекомендовал его для использования в качестве основы для других бесписьменных народов Северного Кавказа.¹⁾ Первая печатная страница на ингушском диалекте вышла 1 мая 1923 г.—первый номер газеты «Сердало». Значительно раньше, в 1921 г., был издан букварь для детей на плоскостном чеченском диалекте, составленный на приспособленном для чеченского языка арабском алфавите. Последний был значительно переработан через два года. В него были введены особые обозначения гласных и обозначения долготы их. Буквари для взрослых и детей на этом алфавите вышли в 1923 г. И только в 1925 г. после упорной массово-разъяснительной работы среди трудящихся, преодолев бешеное сопротивление кулацко-мульшской контрреволюции, чеченскими организациями был принят чеченский алфавит, разработанный тт. Сальмурзаевым, З. К. Мальсаговым и другими на основе латинизированного ингушского алфавита. Но этим еще не было достигнуто единство чеченского и ингушского алфавитов, которого нет и на сегодняшний день.

За это время проделана некоторая работа по изучению чечено-ингушского языка в его диалектальном разрезе, проведено несколько лингвистических экспедиций, благодаря которым в нашем распоряжении имеется такой материал, который позволяет конкретно планировать развитие чечено-ингушской письменности.

Еще в 1924 г. З. К. Мальсагов писал: «Несомненно, во всяком случае, что комбинация разнообразных диалектических особенностей отдельных наречий может быть одним из способов разрешения этой задачи (создания «общечеченской», т. е. чечено-ингушской письменности.—Д. М.), вообще говоря, не представляющий особо сложных затруднений»²⁾.

В 1933 году автор настоящей работы, предостерегая от непромыслимых решений в этом сложном вопросе, писал:

«Литературный язык должен быть понятным и близким трудящимся, больше того, он должен быть языком трудящихся. Такой язык — утопия в буржуазном обществе и необходимая реальность в условиях Советской власти, при построении социализма трудящимися, при небывалом культурном подъеме трудящихся, при всеобщей грамотности, при внедрении в гущи трудящихся книги и газеты. При таком положении каждый новый факт языка должен делаться достоянием масс.

¹⁾ Все материалы о названном алфавите хранятся в личном архиве у супруги З.К. Мальсагова Т. Т. Мальсаговой, которая любезно дала мне возможность ознакомиться с ними и изучить их, за что считаю своим долгом принести ей благодарность.

²⁾ З. К. Мальсагов. «Общечеченская письменность». Журнал «Горский Вестник». Владикавказ, 1924 г.

Таким образом, единый чечено-ингушский литературный язык должен быть не языком «избранного меньшинства», а языком масс, он должен будет создаваться и развиваться для масс.

Таково должно быть содержание единого чечено-ингушского литературного языка.

Как же он должен создаваться?

Выше указывалось, что в вопросе о путях создания литературного языка нет до сих пор четких установок, но в отдельных замечаниях в газетах «Сердало» и «Серло», в некоторых выступлениях при обсуждении этого вопроса, правда, недостаточно ясно, но наметились отдельные направления.

1. Выработать новый единый литературный язык, не считаясь с нормами ни чеченского, ни ингушского наречий. Новый литературный язык в таком случае по своей структуре будет отличным от существующего разговорного языка и тем самым будет непонятен не только трудящимся массам, но и решительно всем, за исключением, быть может, самого прожектера. Это был бы не живой разговорный язык, а нежизнеспособное, искусственное мероприятие, разрушающее работу по языковому строительству. Очевидно, к такому языку стремится и т. Тутаев, в № 87/938 газеты «Серло» предлагающий заменить личные формы местоимений «со», «хьо», «иза», «тхо», «шу», «изуш», «аса», «ахьа», «цо», «оху», «аша», «ара», — новыми, выдуманными терминами: «сос», «хьос», «изос», «тхос», «шус», «изош». Стать на такой путь поистине значило бы «sos», т. е. сигнал бедствия на фронте языкового строительства Чечни и Ингушии и призыв к немедленной помощи. Все такие попытки внесения новшеств, не отвечающие нормам и структуре языка, а ломающие их, должны встречать решительный отпор.

2. Более приемлема (относительно) мысль некоторых т. т., высказанная на заседании Ингушской Терминологической Комиссии. В основу единого литературного языка положить одно из существующих наречий и работать над развитием этого наречия в литературный язык. Принятое наречие сделать обязательным для всей письменной литературы. В случае, если бы пришлось стать на этот путь разрешения задачи создания чечено-ингушского литературного языка, то, ясное дело, пришлось бы выбирать для основы литературного языка или чеченское или ингушское наречие. Первое из них пользуется тем неоспоримым преимуществом, что на нем говорит преобладающее большинство населения. Вместе с тем, нужно отметить, что диалектология Чечни не изучена, в пределах Чеченской автономной области имеется ряд диалектов, фонетические, лексические и морфологические особенности которых приближаются к ингушскому наречию. Если бы был положен в основу общего литературного языка один из диалектов плоскогорной Чечни и всем предложено было бы писать на нем, то тем са-

мым ингушское издательство обязано было бы прекратить свое существование, как ингушское, и все достижения, какие имеет Ингушия в области языкового строительства и частично в области культурного строительства, пошли бы насмарку. Вся ингушская литература (художественная, педагогическая, научная, популярная) должна была бы перестраиваться на чеченское наречие, верней, на один из диалектов его. А такая перестройка невозможна, ибо одно дело понимать речь, другое, несравненно сложнее, требующее знаний и навыков, как результат длительного изучения, — владение языком (наречием), чем обладает очень небольшое количество ингушей. Такой переход был бы непонятен трудящимся и значительно замедлил бы темпы культурного строительства в Ингушии.

Если бы в основу литературного языка положено было бы ингушское наречие, то неудобство его было бы еще больше. С одной стороны потому, что чеченцы меньше понимают ингушское наречие, чем наоборот, а с другой стороны, как отмечалось выше, чеченцев все-таки на много больше, чем ингушей, пропорционально чему увеличились бы и неудобства от такого перехода.

Указанные неудобства заставляют отвергнуть предложение о таком переходе на единый литературный язык, хотя преимущество его заключающееся в радикальности, соблазняет некоторых товарищей.

3. Остается третья возможность — дальнейшая работа по развитию чеченского и ингушского наречий, но с тем, чтобы это развитие качественно отличалось от нынешнего. Оба наречия, развиваясь, должны идти к единству, а не расходиться еще больше между собой, как ныне.

Если тот огромный путь, который сделали чеченские и ингушские наречия в своем развитии после Октябрьской революции, нами был бы направляем к единству, то мы бы уже имели сегодня основу для единого литературного языка.

Напрасный труд утверждать, что такой переход к единству литературного языка слишком длителен, а потому результат он даст очень не скоро. При нынешних темпах развития языка это сближение будет идти колоссально быстро, больше того, темпы эти будут все время нарастать. Нужно только твердо стать на путь сознательного сближения наречий чечено-ингушского языка.¹⁾

После административного объединения чеченской и ингушской областей вопрос о литературном языке практически встал в порядок дня. Решено было разработать единую письменность на основе сложностного чеченского наречия. И только своевременное вмешательство Сев-Кав. Крайкома партии положило конец этому преж-

¹⁾ Д. Д. Мамлятов. «О едином чечено-ингушском литературном (письменном) языке». Жур. «Революция и труд». Ростов-Дон. 1933 г., и Chalgba terminologik sbornik. Bury, 1933 ш.

двремениному мероприятию. В последние годы некоторые товарищи ударились в другую крайность. Они рассуждают приблизительно так: «Раз по Конституции Чечено-Ингушской республики сказано, что у нас три государственных языка: русский, чеченский и ингушский,—то нечего и говорить о развитии чеченского и ингушского языков к единству». Часто те товарищи, которые в своих работах доказывали необходимость немедленного создания единого литературного языка, на языковой конференции 1934 года отстаивали орфографию его, ныне против сближения письменностей.

До сих пор не делались даже попытки исследовать, в чем же в конце концов различие между плоскостным чеченским и ингушским диалектами. Обычные ответы об этих различиях, что между ними приблизительно такая же разница, как между русским и украинским языками, или между русским и белорусским, или же между севернорусским и южнорусским наречием—никого не могут удовлетворить. Задача данной работы попытаться ответить на этот вопрос и показать, что развитие к единству чеченской и ингушской письменности не только возможно, но и неизбежно.

Практика показывает, что после объединения областей, чеченская и ингушская письменности идут к сближению и придут к единству.

Огромный культурный рост чеченцев и ингушей, успехи социалистического строительства, на основе которых ликвидирована экономическая замкнутость чечено-ингушских обществ и, наконец, административное и территориальное единство—вот условия, которые созданы благодаря Ленинско-Сталинской национальной политике и которые определяют развитие письменных языков чеченцев и ингушей к единству.

Некоторые товарищи, даже из среды тех, кто непосредственно занимается вопросами чечено-ингушского языка и письменности, понимают под литературным языком установление таких норм в разговорной речи, которые были бы с сегодняшнего дня обязательны для всех носителей чечено-ингушской языковой культуры.

Это не верно. Нельзя чаберловцу, ауховцу и ингушу сказать: «Перестань говорить так, как ты говоришь от рождения, а говори по нормам нового литературного языка». Такая постановка вопроса нелепа, не в этом задача сегодняшнего дня. Под созданием единого литературного (письменного) языка следует понимать установление единых норм письменной речи, т. е. установление единого алфавита и единой орфографии на основе учета особенностей всего собственно чечено-ингушского языка, т. е. учета особенностей его диалектов. Литературное произношение будет усваиваться постепенно. Литературному произношению надо учить.

Весь ход развития чеченской и ингушской письменностей сви-

детельствует о том, что единый литературный язык должен быть создан путем сближения существующих двух письменностей.

Еще в 1933 году, как цитировалось выше, автор этой работы писал: «Напрасный труд утверждать, что такой переход к единому литературному языку слишком длителен, а потому результат он даст очень не скоро. При нынешних темпах развития языка это сближение будет идти колоссально быстро, больше того, темпы эти будут все время нарастать. Нужно только твердо стать на путь сознательного сближения диалектов чечено-ингушского языка на базе чеченского плоскостного диалекта». Советская действительность подтвердила это положение.

Основные расхождения между плоскостным чеченским и другими диалектами, главным образом с ингушским, выражающиеся в различиях перегласовки гласных и наличии усеченных форм в ингушском диалекте, смогут быть ликвидированы путем введения тщательно разработанной орфографии на основе морфологическо-фонетического принципа и распространения на ингушский диалект правил написания полных форм вместо усеченных.

Никаких существенных неудобств означенные новшества в орфографию не внесут, а чеченскую и ингушскую письменные речи они значительно сближат.

Вследствие того, что начальные формы слов в чеченском и ингушском диалектах в большей мере совпадают, чем производные, принятие морфологическо-фонетического принципа при составлении орфографии, вместо фонетического принципа, существенно сблизит орфографии.

Совершенно очевидно, что вся новая терминология, все вводимые в тот или иной диалект новые формы, обороты речи и т. д. должны быть общими для обоих диалектов, точно так же и весь лексический фонд всех диалектов чечено-ингушского языка должен быть достоянием будущего литературного языка.

Нужно также установить, ориентируясь на плоскостной чеченский диалект, единые формы словообразования, а также и формы словоизменения для новой терминологии.

Таким образом создается единый чечено-ингушский литературный (письменный) язык без болезненных ломок, без задержки культуростроительства в какой-либо части Чечено-Ингушии, а, наоборот, способствуя развитию его. На основе такого письменного языка будут постепенно нивелироваться различные особенности разговорного языка и вырабатывается единое литературное произношение.

Такой путь образования литературного языка представляется нам единственно правильным.

Чеченская и ингушская орфография, существовавшая до 1938 г., имела ряд существенных моментов расхождения, не вызванных диалектальными особенностями, которые затрудняли чеченцам и ингушам взаимопонимание письменной речи.

Главные из них: наличие в чеченской букв «п, ъ, и» и дифтонга «ие», тогда как их не было в ингушской. Написание ингушами окончания активного падежа через «z», тогда как в чеченском писалось «s», различие в написании окончаний «gh» и «x» во многих формах, различия в формах советизмов, интернационализмов и неологизмов. Различие в слитных и раздельных написаниях приставок и послелогов (чеченцы писали вместе, ингуши—отдельно); в написаниях союза «i»; обозначение в части слова редуцированного «ə» через «a», тогда как в чеченском он всегда обозначался через «и»; не обозначение дифтонга «oa» в чеченском письме, даже в тех словах, в которых он четко слышится.

Все это определяло такое ненормальное положение, при котором чеченцы и ингуши, совершенно свободно взаимно понимающие живую речь, несравненно хуже понимали письменную речь, а подчас в некоторых переводных текстах разбирались и вовсе неудовлетворительно.

Что письменная речь при нынешних исключительно больших сдвигах, происходящих в чечено-ингушском языке, заключающихся не только в усвоении им колоссального количества новых слов, главным образом из русского языка и через русский язык (интернационализмы), но и в усвоении новых синтаксических и морфологических форм, и даже новых звуков,— менее понятна, чем живая речь, нет ничего удивительного.

Составители «Чеченского и ингушского алфавитов на русской основе и орфографий», видимо, имели ввиду сближение чеченской и ингушской письменности и в этом они достигли многого.

Приведем главные пункты, сближающие чеченскую и ингушскую орфографии после реформы 1938 года.

I. Ликвидация буквы носового «п», обозначавшей в чеченской орфографии назализацию предшествующей ей гласной и ограничение фиксации в письме назализации: носовой оттенок гласного передается буквой «н» после гласного в конце слова только в словах, отвечающих на вопросы «кого? чей?» и в немногих односложных словах, в которых он слышится,— и обозначение назализации буквой «н». Этим пунктом ликвидировано написание «н» в конце прилагательных, порядковых числительных, инфинитива, недавно прошедшего времени, причастий. Обозначение назализации через «н», введенное в чеченскую орфографию в 1938 году, вполне приемлемо для ингушского диалекта, ибо оно соответствует его нормам. Между тем, ингушская орфография (1938 г.) не допускает обозначения назализации вообще.

II. Ликвидация обозначения в чеченском письме дифтонга «ие», а обозначение его через «э» и «е», как в ингушском. Допускается в отдельных случаях обозначение этого дифтонга через «из».

III. Написание дифтонгов ав || ов через «ов», как в ингушском.

IV. Передача сомнительных гласных «а, о, и, е» в неударных слогах через «а», как в ингушском.

V. Установление написания суффикса «алла», а не «улла», в ингушском «ал».

В свою очередь в ингушскую письменность орфографией 1938 г. внесены изменения, которые сближают ее с чеченской.

I. — написание окончания активного падежа единственного числа через «с», а не «з».

II. — написание окончаний дательного и вещественного падежа существительных, склоняющихся, как прилагательные, через «чунна», и «чунах».

III. Написание окончаний порядковых числительных через «гI», а не «х».

IV. Написание дифтонга «ей//ай» через «ай», как в чеченском.

Громадное большинство правил написания корней и морфем одинаковы для обоих диалектов, одинаковы правила слитного и раздельного написания слов и орфография советизмов и интернационализмов.

В целом орфография 1938 года является существенным шагом на пути к сближению чеченской и ингушской письменности.

Вместе с тем в алфавите есть ряд пунктов, затрудняющих взаимопонимание и могущих быть без ущерба для орфографии изменены. К таким принадлежат в ингушской орфографии:

I. Написание окончания прошедшего совершенного через «ар», а не «ира».

II. Написание краткого «ə» чрез «ы», а не «и».

III. Написание факультативных в живой речи окончаний родительного падежа и дательного падежей «а || ан», «а || анна» через а; а

Следовало бы назализацию в ингушском письме обозначать точно так же и в тех же формах, как и в чеченском.

Вполне допускается в живой ингушской речи обозначение «уь» и «оь», точно так же как и обозначение «оа» в тех словах чеченской письменности, в которых он ясно слышится.

Совершенно излишне обозначение в ингушском письме «дж», «дз».

Нельзя согласиться о написании «ы» в некоторых коренных словах в ингушском письме. Пункт об этом допущении гласит: «Краткая носовая гласная «и» в конце односложных слов изображается в ингушском письме через букву «ы». Затем назализованный «и» изображать через «ы», а не через «и», как это делается в чеченской орфографии?».

Изложенными не исчерпываются те пункты, которые могли бы быть введены в орфографии и которые послужили бы к еще большему сближению их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Исходя из изложенного, считаем необходимым проведение следующих мероприятий, которые будут содействовать ознакомлению чеченцев и ингушей с литературными диалектами и выработке общих письменных норм:

1. Утвердить единый обязательный для всех чечено-ингушский алфавит.
 2. Составить и издать на основе морфологическо-фонетического принципа свод орфографических правил по чеченскому плоскостному и ингушскому диалекту, имея ввиду ликвидацию в существующих орфографиях всех расхождений, неоправданных диалектными различиями.
 3. Издать чеченский и ингушский орфографические справочники.
 4. Составить и издать чечено-ингушский словарь расхождений.
 5. Всю новую терминологию (интернационализмы, советизмы, неологизмы) вводить в одинаковой форме для обоих диалектов.
 6. Составить и издать популярную сравнительную грамматику плоскостного чеченского и ингушского диалектов. Такая грамматика, правда, с некоторыми существенными дефектами, существует, необходимо переработать ее.
 7. Разработать и издать программы по родному языку для начальной и неполной средней школы, а также для педучилищ и педвуза.
 8. Изучить диалекты чечено-ингушского языка и составить диалектологическую карту. Изучение проводить не только путем организаций экспедиций, но и путем организаций сети корреспондентов, прежде всего из националов-учителей, для облегчения работы которых по изучению диалектов составить словники, анкеты, программы.
 9. Приступить к сбору материала для чечено-ингушского диалектологического словаря.
 10. В книге для чтения, ч. 2-я (во 2-м классе) ингушских школ ввести легкие для чтения и понимания чеченские тексты в объеме не более 5—10 проц. всей книги.
 11. В 3-м и 4-м классах ингушских школ в хрестоматиях по литературе давать легкие для понимания чеченские тексты (проза и стихи). Объем этого материала не должен превышать 20—25 проц. всего учебника.
- В ингушских учебниках по языку для 3-го и 4-го класса приводить чеченские грамматические параллели.
- Целевая установка таких текстов — ознакомление детей с особенностями чеченского диалекта для понимания хрестоматийного текста.
- В неполной средней школе ввести обучение грамматике литературных языков.

В школе плоскогорной Чечни ввести чтение ингушских текстов и давать сведения о грамматических особенностях ингушского диалекта.

12. В педучилищах и педвузе ввести изучение чечено-ингушской диалектологии.

13. Хрестоматийный материал в ингушских 5, 6, 7 классах давать на 50% на чеченском диалекте. В чеченской школе ввести изучение и разбор на ингушском диалекте лучших произведений ингушских писателей.

Ингушскую страницу в областной газете сделать регулярной; в ингушской газете помещать чеченские тексты.

14. Распространять в ингушских районах лучшие художественные произведения чеченских писателей и наоборот.

Чечено-ингушский литературный (письменный) язык явится крупнейшим достижением национальной культуры, достижением, прежде всего, ленинско-сталинской национальной политики коммунистической партии.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
I. Историческая судьба Чечено-Ингушии	7
II. История изучения чечено-ингушского языка	15
III. Характеристика диалектов чечено-ингушского языка	19
IV. Расхождения между литературными диалектами:	
а) фонетические расхождения	28
б) морфологические расхождения	58
в) классы литературных диалектов	75
г) расхождения в лексике	80
V. Чеченские и ингушские тексты	87
VI. Развитие чеченской и ингушской письменности в советских условиях	99
Заключение	109

Ответредактор Ченгиева М. Д.

Подписано к печати 22-Х. 1941 г. СФ3862.

Тираж 1500.

Объем 7 п. л.

Уч.-авт. 8,5 л.

Знаков в п. л. 48800.

Заказ № 3961.

Цена 3 руб.

Типография им. 11 авг. 1918 г. Грозный, Проспект Революции, 30-3.

1-5000

5811B 1942

2017068463

